Александръ Дмитріевичъ Боровковъ

и его

АВТОБІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.

Печатая ниже автобіографическія записки А. Д. Боровкова приведемъ здѣсь нѣкоторые черты изъ жизни этого выдающагося дѣятеля и преимущественно тѣ, о которыхъ онъ умалчиваетъ въ своихъ запискахъ.

Боровковъ родился 10-го іюня 1788 г. и происходилъ изъ купеческаго званія. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ, Александръ Дмитріевичъ поступилъ въ 6-й департаментъ Московскаго отдѣленія Сената и 15-го января 1808 г. былъ переименованъ въ коллежскіе регистраторы, съ назначеніемъ повытчикомъ. Спустя два года въ апрѣлѣ (4-го) 1810 г. онъ былъ назначенъ въ должность протоколиста, а въ декабрѣ того же года произведенъ въ губернскіе секретари.

Изъ воспоминаній его видно, что въ 1811 году онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу въ министерство полиціи, а въ началѣ 1812 года—въ департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ, гдѣ въ 1813 году получилъ чинъ коллежскаго секретаря.

Неоднократно командируемый для производства слѣдствій по жалобамъ горно-заводскихъ крестьянъ, Боровковъ былъ назначенъ въ 1818 г. секретаремъ горнаго суда.

Въ свободное отъ службы время Александръ Дмитріевичъ посвящалъ свои досуги литературѣ и, будучи еще ученикомъ въ университетской гимназіи, а потомъ студентомъ, печаталъ свои мелкія прозаическія и стихотворныя сочиненія и переводы въ тогдашнихъ журналахъ и по-

временныхъ изданіяхъ. Такъ, его статьи появились въ «Весеннемъ цвѣткѣ», изданномъ въ 1806 г. Кузьминымъ, въ «Другѣ юношества» — издаваемомъ Невзоровымъ, и «Аглаѣ» — княземъ Шаликовымъ. Въ 1807 г. Александръ Дмитріевичъ напечаталъ свой переводъ подъ заглавіемъ: «Начертаніе Россійской исторіи» соч. Вегелина. Въ 1815 году, состоя на службѣ въ департаментѣ горныхъ и соляныхъ дѣлъ, по порученію начальства перевелъ «Four essays of practical mechanics, by Thom. Fenwick» [1]). За эту работу Боровковъ былъ награжденъ чиномъ оберъ-гиттенфервалтера 8-го класса, несмотря на то, что былъ въ 9-мъ классѣ не болѣе года.

Въ 1816 году Александръ Дмитріевичъ собралъ вокругъ себя молодыхъ литераторовъ и основалъ въ С.-Петербургѣ «Общество любителей россійской словесности», уставъ котораго былъ написанъ имъ и высочайше утвержденъ въ 1817 г. Впослѣдствіи въ этомъ обществѣ участвовали почти всѣ извѣстные литераторы и многіе ученые того времени. Общество предприняло изданіе ежемѣсячнаго журнала, подъ названіемъ «Соревнователь просвѣщенія и благотворенія», первымъ редакторомъ котораго былъ Боровковъ, помѣщавшій въ немъ свои произведенія въ стихахъ и прозѣ. Вся прибыль отъ этого изданія употреблялась на пособіе нуждающимся ученымъ. Сверхъ того, Александръ Дмитріевичъ издалъ переводъ сочиненій Сталь фонъ-Гольштейнъ о Германіи, философію англичанъ, философію французовъ, философію нѣмцевъ и Канта.

Въ 1822 году Боровковъ напечаталъ переводъ подъ заглавіемъ «Завѣщаніе дочерямъ», сочиненіе извѣстнаго англійскаго доктора Григори. За поднесеніе этой книги императрица Елисавета Алексѣевна пожаловала ему золотую табакерку.

Постепенно увеличивавшіяся служебныя работы оторвали Боровкова отъ литературнаго поприща, и желаніе его создать что либо достойное вниманія осталось неисполненнымъ. Предавшись исключительно службѣ, Александръ Дмитріевичъ часы досуга проводилъ въ работахъ масонской ложи «Избраннаго Михаила», въ которой одно время былъ правителемъ дѣлъ. Въ своей автобіографической запискѣ онъ не говоритъ о масонствѣ, но нѣкоторые оставшіеся документы свидѣтельствуютъ, что онъ принималъ дѣятельное участіе въ работахъ масоновъ. Боровковъ говорилъ рѣчи, составлялъ журналы, писалъ годовые отчеты и проч.

Вотъ что говорилъ онъ 15-го сентября 1821 г., при повышеніи брата Кюхельбекера 2-го на степень мастера:

«Почтенный Братъ! Есть постановленія и общества въ мірѣ, которыя, по мнѣнію толпы, ведутъ къ чему-то чудесному, таинственному, неестественному. Эти самыя общества и постановленія, для человѣка начинаю-

---

[1]) Четыре опыта по практической механикѣ Томаса Фенвика

щаго разсуждать и мыслить, нерѣдко кажутся пустыми и ничтожными; но потомъ, при дальнѣйшемъ навыкѣ думать и углубляться въ самого себя и въ природу человѣческую, они снова для него получаютъ высокій смыслъ, высокое значеніе.

«Люди во всемъ и вездѣ одинаковы: крестьянинъ вѣритъ вліянію луны на землю по суевѣрію; модный вѣртопрахъ смѣется надъ нимъ и называетъ его невѣждою, а мудрый наблюдатель міра неоспоримо доказываетъ сіе вліяніе.

«То же всегда было и будетъ съ обществомъ масоновъ. Чернь,—къ ней принадлежатъ къ несчастію иногда даже люди носящіе названіе вольныхъ каменщиковъ,—ожидаетъ отъ царственной науки чудесъ невозможныхъ; умы поверхностные издѣваются надъ нею: но зрѣлое, глубокое размышленіе находитъ пользу ея обширною, существенною.

«Вы вступили нынѣ, почтенный братъ, въ кругъ просвѣщенныхъ масоновъ, вы нынѣ на степени мастера, и полное право имѣете спросить: къ чему мы здѣсь собираемся? надъ чѣмъ трудимся? Узнайте-же здѣсь и въ сей торжественный часъ тайну нашего ордена: мы стараемся надъ усовершенствованіемъ рода человѣческаго,—гордая божественная цѣль; но она должна вамъ показаться мечтательною, именно потому, что она такъ возвышена, такъ неопредѣленна. «Гдѣ доказательства, что наши работы не напрасны?» спросите вы. Исторія вселенной представляетъ вамъ сіи доказательства. Безъ ложъ, т. е. тайныхъ обществъ, пріуготовляющихъ умы къ принятію истины, не было бы нынѣ христіанской религіи, сдѣлавшей столь много для образованія рода человѣческаго; безъ ложъ—Египетъ и Греція остались бы въ вѣчномъ варварствѣ; безъ нихъ и въ Россіи не существовали бы многія благодѣтельныя постановленія.

«Ложа «Михаила Избраннаго», состоящая изъ людей неимущихъ и малозначущихъ въ порядкѣ гражданскомъ, но соединенныхъ узами дружбы и желаніемъ добра, учредила общество Ланкастерское, коего благодатное дѣйствіе на просвѣщеніе народа извѣстно вамъ. Но и ваше собственное нравственное усовершенствованіе есть уже приращеніе къ общей суммѣ добра нравственнаго. Вотъ символическій камень, надъ коимъ вы должны были трудиться въ званіи ученика и товарища, надъ коимъ и нынѣ вы будете продолжать свои работы. Не утонченныя умствованія, не краснорѣчивое пустословіе, не ничтожные поступки тщеславія,—не они увѣрили насъ, что вы были работникомъ усернымъ и ревностнымъ,—а строгое исполненіе вашихъ обязанностей, благородная, твердая жизнь и соблюденіе тѣхъ правилъ, которыя вы сами себѣ предписали. Вы спросите, какъ мы знаемъ все это? Почтенный братъ, всѣ поступки вольнаго каменщика должны быть извѣстны его братьямъ; но человѣкъ честный и благородный не страшится взора своихъ

ближнихъ и гордится вниманіемъ людей, которые его уважаютъ. Ложа имѣетъ вѣрные средства слѣдить за поступками каждаго изъ членовъ; она произноситъ надъ каждымъ судъ безпристрастный и строгій. «Много званыхъ, но мало избранныхъ», сказалъ Божественный Основатель религіи христіанской; много и въ нѣдрахъ вольнаго каменщества званыхъ, т. е. членовъ, которые только по имени масоны; но мы, ваши братья, мы увѣрены, что вы никогда не будете принадлежать къ нимъ и нынѣ въ должности мастера примѣромъ, словомъ, образомъ мыслей будете споспѣшествовать и въ отдаленныхъ странахъ работамъ нашимъ».

Въ январѣ 1822 года А. Д. Боровковъ былъ переведенъ въ коммисаріатское вѣдомство, гдѣ скоро обратилъ на себя вниманіе генералъ-кригсъ-коммисара Татищева. Съ назначеніемъ послѣдняго военнымъ министромъ, Александръ Дмитріевичъ, пожалованный въ военные совѣтники, былъ, въ маѣ 1825 г., назначенъ состоять при военномъ министрѣ для особыхъ порученій.

Печальныя событія 14-го декабря 1825 года въ Петербургѣ призвали Боровкова къ новой дѣятельности. Ему поручено было составить проектъ образованія слѣдственной коммисіи, назначаемой для изысканія о существованіи злоумышленнаго общества. Написанный имъ въ руководство коммисіи высочайшій указъ заслужилъ одобреніе императора, и Боровковъ былъ назначенъ правителемъ дѣлъ коммисіи. Здѣсь открылось обширное поприще его дѣятельности: здѣсь работалъ онъ съ самоотверженіемъ, неутомимостью, крайнею осторожностію и строжайшимъ безпристрастіемъ. Наградою ему были чинъ статскаго совѣтника и званіе помощника статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта, съ содержаніемъ производимымъ ему въ видѣ пенсіи, ибо онъ оставленъ былъ при прежней должности.

Въ то самое время, когда работы коммисіи были въ полномъ ходу, на Боровкова, въ 1826 году, было возложено еще и управленіе канцеляріею военнаго министра. Одушевленный вниманіемъ и довѣренностію начальства, нещадя ни силъ, ни здоровья, несъ онъ тяжкое бремя двухъ вмѣстѣ столь важныхъ обязанностей.

Особенно лестно было для Боровкова, когда въ 1827 году—князь Чернышевъ, вступя въ управленіе военнымъ министерствомъ съ предубѣжденіемъ въ допущенныхъ тамъ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ, уволилъ главныхъ дѣятелей прежняго времени, но Боровкова удержалъ при себѣ и отличалъ порученіями особенной важности. Довольно указать, что Чернышевъ избралъ Боровкова предсѣдателемъ комитета для передѣлки Свода Военныхъ Постановленій. Многосложная работа эта ослабила зрѣніе Боровкова, но всемилостивѣйше пожалованная аренда была наградою за усиленные труды. Боровкова болѣе всего восхищала

та мысль, что и онъ содѣйствовалъ къ славѣ государя; ибо трудъ, которому онъ столь ревностно предавался, перейдетъ въ потомство на ряду съ Сводомъ Законовъ, твердымъ памятникомъ достославнаго царствованія императора Николая I.

Въ концѣ 1827 года высочайше повелѣно Боровкову, сверхъ занятій по военному министерству, работать въ Государственномъ Совѣтѣ по военному департаменту. Здѣсь часто возлагались на него разныя порученія: сверхъ военнаго онъ докладывалъ какъ по департаментамъ законовъ, экономіи и гражданскому, такъ и по особеннымъ комитетамъ. Въ 1828 году, по отбытіи императора въ Турецкую кампанію, Боровковъ завѣдывалъ дѣлами комитета, который подъ предсѣдательствомъ графа Толстаго уполномоченъ былъ по военной части разрѣшать все высочайшею властію.

Въ 1832 году Боровковъ былъ правителемъ дѣлъ комитета, учрежденнаго для разсмотрѣнія карантиннаго устава, а въ 1835 году докладчикомъ новаго положенія объ управленіи войска Донскаго. За эти труды онъ получилъ въ январѣ 1832 года подарокъ по чину, и въ іюнѣ того же года произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники.—Въ 1833 году Александръ Дмитріевичъ былъ назначенъ предсѣдателемъ комитета, учрежденнаго для опредѣленія точныхъ правилъ въ руководство при составленіи справочныхъ цѣнъ.

Не перечисляя всѣхъ комитетовъ и коммиссій, въ которыхъ Боровковъ принималъ участіе, достаточно сказать, что за свои труды онъ въ декабрѣ 1836 года былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 1-ой степени, въ апрѣлѣ 1837 года ему пожалована золотая алмазами украшенная табакерка съ вензелемъ императора и въ декабрѣ того же года вторая такая же табакерка. За составленіе Свода Военныхъ Постановленій Боровкову была пожалована аренда въ 1500 руб. на 12 лѣтъ и 9-го апрѣля 1840 года онъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники, съ назначеніемъ членомъ консультаціи, учрежденной при министерствѣ юстиціи.

Служба Боровкова въ Государственномъ Совѣтѣ цѣнилась всѣми. За отсутствіемъ государственнаго секретаря онъ неоднократно исполнялъ его должность со всѣми правами присвоенными этому званію. Бывшій государственный секретарь баронъ М. А. Корфъ, представляя въ 1837 году Боровкова къ наградѣ, аттестовалъ его какъ чиновника «столь же полезнаго службѣ своею опытностію, сколько отличнымъ своими правилами».

Въ декабрѣ 1840 года, во вниманіе «къ отлично усердной службѣ», Боровкову повелѣно было присутствовать въ Сенатѣ, съ сохраненіемъ всѣхъ получаемыхъ имъ окладовъ. Когда онъ представлялся императору, то послѣдній сказалъ ему: «служи попрежнему». Эти слова глу-

боко проникли въ душу Боровкова; онъ свято исполнялъ волю государя и мечталъ остатокъ дней своихъ кончить безмятежно; но Провидѣнію угодно было подвергнуть его тяжкому испытанію.

Человѣкъ честный, твердаго и рѣшительнаго характера, Боровковъ, какъ членъ консультаціи и сенаторъ, не соглашался во многомъ съ тогдашнимъ министромъ юстиціи графомъ Панинымъ и во многихъ случаяхъ противодѣйствовалъ самовластнымъ распоряженіямъ министра. Это повело къ тому, что послѣдній пріискивалъ всевозможные случаи, чтобы удалить Боровкова изъ Сената. Случай этотъ скоро представился.

3-го декабря 1846 года отставной губернскій секретарь Кретковскій подалъ бывшему с.-петербургскому военному генералъ-губернатору Храповицкому извѣтъ, что въ растратѣ капитала «Компаніи громоздкихъ движимостей», участвовалъ не одинъ директоръ дѣйствительный статскій совѣтникъ Оводовъ, но въ числѣ прочихъ и Александръ Дмитріевичъ Боровковъ.

Графъ Панинъ ловко воспользовался ложнымъ доносомъ и доложилъ его государю, безъ всякихъ справокъ и даже безъ опроса обвиняемаго. 5-го декабря, т. е. черезъ два дня послѣ поданнаго доноса, Александръ Дмитріевичъ Боровковъ высочайшимъ приказомъ былъ уволенъ отъ службы, лишенъ званія сенатора, всѣхъ получаемыхъ имъ окладовъ содержанія и отъ него отобрана подписка о невыѣздѣ изъ Петербурга впредь до разрѣшенія.

Въ чемъ же состояло обвиненіе, вызвавшее столь жестокое наказаніе?—Кретковскій писалъ, что Боровковъ говорилъ рѣчи при открытіи общихъ собраній компаніи, слѣдовательно, онъ участвовалъ въ управленіи; чтобы возвысить акціи, онъ предложилъ за первый годъ назначить дивидентъ въ 8%, тогда какъ по разсчету полученной прибыли должно было выдать менѣе; что онъ бралъ изъ компаніи деньги и купилъ тамъ на аукціонѣ перчатки и карандаши.

По произведенному слѣдствію оказалось, что Боровковъ говорилъ рѣчи передъ представленіемъ отчетовъ, былъ директоромъ совѣщательнымъ, а не дѣйствительнымъ, и жалованья не получалъ; что предложенія объ увеличеніи дивидента не дѣлалъ; что растрата капитала произошла гораздо позже послѣ его выбытія изъ директоровъ; что получалъ изъ компаніи деньги свои собственныя, изъ дивидента ему причитающагося, а перчатки и карандаши купилъ не на аукціонѣ, а у самихъ закладчиковъ и деньги уплатилъ. Покупать директорамъ вещи заложенныя въ компаніи не воспрещалъ ни уставъ ея, ни законъ.

Разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла уголовная палата нашла, что главнымъ виновникомъ растраты капиталовъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Ивановичъ Оводовъ; что кассиръ компаніи губернскій секретарь Кретковскій, сдѣлавъ ложный доносъ, обвинялъ

А. Д. Боровкова неправильно и что дѣйствія послѣдняго, «заключая въ себѣ одни только отступленія отъ устава, а не злоупотребленія, подходятъ подъ силу § 34 сего устава, поставляющаго Боровкова въ отвѣтственность лишь передъ аукціонерами, по мѣрѣ причиненнаго вреда». На этомъ основаніи палата постановила А. Д. Боровкова «отъ суда освободить», а доносчика Кретковскаго, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, послать въ Сибирь [1]).

Оправданный слѣдствіемъ А. Д. Боровковъ подалъ всеподданнѣйшее прошеніе о возвращеніи его на службу.

«Въ полномъ убѣжденіи, писалъ онъ [2]), что я никакимъ неправильнымъ и постыднымъ поступкомъ не очернилъ себя въ продолженіе 60-ти-лѣтней жизни моей, но всегда пользовался честнымъ именемъ, я объяснилъ министру, что докладъ о мнѣ былъ рановременнымъ, что предметъ самаго дѣла касается только частныхъ разсчетовъ, которые по уставу компаніи разрѣшаются единственно общимъ собраніемъ акціонеровъ, что растрата суммы компаніи послѣдовала спустя уже два года по выбытіи моемъ изъ званіи директора, что я самъ какъ акціонеръ, ходатайствую о возвращеніи похищеннаго и что въ отношеніи ко мнѣ не соблюдены мѣры осторожности, поставленныя въ законахъ въ случаѣ даже улики въ преступленіи (Св. Зак., т. XV, ст. 976—978), ибо не было дознано предварительно ни о справедливости доноса, ни о степени вины моей; даже не отобраны отъ меня объясненія, безъ чего не наказывается и послѣдній изъ подданныхъ; изверженіе же изъ службы и лишеніе званія сенатора—есть наказаніе самое тяжкое. Но министръ не рѣшился передокладывать вашему величеству и мнѣ осталось доказать невинность мою путемъ страданія и уничиженія, неразлучныхъ съ положеніемъ обвиняемаго, сколько бы въ душѣ не сознавалъ онъ свою невинность.

«Наконецъ долговременное изслѣдованіе, производившееся со всѣми мелочными подробностями, обнаружило, что капиталами компаніи я никогда не завѣдывалъ, что ничего оттуда мнѣ непринадлежащаго не бралъ и что не я компаніи, а она мнѣ остается должною, почему и представлено министру внутреннихъ дѣлъ, что поступки мои не подлежатъ ни уголовному преслѣдованію, ни даже судебному разбирательству; вслѣдствіе сего возвращена мнѣ подписка о невыѣздѣ изъ Петербурга.

«Оправданный слѣдствіемъ, но не очищенный отъ посрамленія передъ Россіею, которая читала высочайшій указъ о невольной отставкѣ сенатора, стѣсненный въ содержаніи, не имѣя возможности безъ службы

---

[1]) Постановленіе Надворнаго уголовнаго суда 30-го мая 1849 года.

[2]) Во всеподданнѣйшемъ прошеніи 9-го апрѣля 1848 г.

довольствовать себя и семейство своимъ ограниченнымъ состояніемъ, я дерзаю судьбу мою повергнуть безпредѣльному милосердію всемилостивѣйшаго государя, дерзаю умолять возвратить стяжанное безпорочною сорока-лѣтнею службою, драгоцѣннѣйшее самой жизни достояніе,— честь и монаршее благоволеніе.

«Строгое правосудіе вашего императорскаго величества не могло потерпѣть на службѣ сенатора, котораго представили въ видѣ преступника; но то же правосудіе не попуститъ страдать невинному, ожидавшему лучшей участи за свою службу вѣрою и правдою; то же правосудіе сотретъ пятно, которое въ лицѣ отца очерняетъ и юныхъ сыновей его, приготовляющихся уже на службу царю своему».

Прошеніе это по высочайшему повелѣнію препровождено было къ министру внутреннихъ дѣлъ, который истребовалъ свѣдѣнія изъ слѣдственной коммиссіи и, черезъ графа В. Ѳ. Адлерберга, представилъ государю, что виновникомъ въ растратѣ капитала оказывается одинъ Оводовъ; къ подозрѣнію же участія въ томъ Боровкова нѣтъ никакихъ основаній.

Тогда императоръ приказалъ внести все дѣло въ комитетъ министровъ, а министръ внутреннихъ дѣлъ безъ всякихъ основаній потребовалъ предварительное заключеніе министра юстиціи. Графъ Панинъ, сохраняя недоброжелательство къ Боровкову и стараясь повредить ему, отвѣчалъ, что всеподданнѣйшее прошеніе послѣдняго можетъ быть разрѣшено не прежде, какъ по окончаніи двухъ дѣлъ, разсматриваемыхъ въ Надворномъ уголовномъ судѣ и въ Сенатѣ о растратѣ капитала компаніи громоздкихъ движимостей [1]).

Такимъ образомъ, дѣло это видимо и преднамѣренно затягивалось, что и побудило А. Д. Боровкова обратиться къ заступничеству князя Чернышева и графа Адлерберга.

«Къ вашему сіятельству, писалъ онъ 18-го марта 1849 г. князю Чернышеву, поставленному во главѣ государственнаго управленія, достойно пользующемуся довѣріемъ августѣйшаго монарха, прибѣгаетъ подъ защиту бывшій вашъ подчиненный, преслѣдуемый двумя министрами: юстиціи и внутреннихъ дѣлъ. Третій годъ выкинутъ я изъ службы, подъ предлогомъ прикосновенности къ слѣдствію о растратѣ

[1]) Такое заключеніе министра юстиціи было несогласно ни съ обстоятельствами дѣла, ни съ законами, а было слѣдствіемъ личныхъ отношеній. Тогда гласнаго судопроизводства не существовало и можно было **толковать законы по своему**. Такъ поступилъ и графъ Панинъ. Законъ повелѣвалъ (уголов. закон. кн. II, стр. 1528) внимательно разсматривать слѣдствія, чтобы преданіемъ суду не обременять положенія признанныхъ невиновными. Боровковъ по слѣдствію былъ признанъ непричастнымъ по дѣлу и с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ, предавая виновныхъ суду, не включилъ въ число ихъ Боровкова.

капитала громоздкой компаніи; минулъ годъ, какъ обнаружена моя невиновность, и министръ внутреннихъ дѣлъ донесъ государю императору, что нѣтъ никакихъ основаній подозрѣвать меня въ участіи растраты. Но когда его величеству благоугодно было представить участь мою разсмотрѣнію комитета гг. министровъ, тогда тотъ же министръ согласно съ мнѣніемъ министра юстиціи представилъ, что рѣшеніе о мнѣ должно быть не прежде приговора о преданныхъ суду, по которому можетъ открыться прикосновенность моя по управленію компаніи. И такъ, оба эти министра, не обративъ вниманія, что я тамъ ничѣмъ не управлялъ, заставляютъ оправданнаго томиться наравнѣ съ виновными.

«Комитетъ гг. министровъ, усмотрѣвъ изъ представленной записки, что я былъ директоромъ только совѣщательнымъ; что ничего мнѣ неслѣдовавшаго изъ компаніи не получалъ, что не я ей, а она мнѣ остается должною, и что растрата капитала произошла черезъ два года послѣ выбытія моего изъ директоровъ,—не утвердилъ мнѣнія моихъ гонителей, а потребовалъ дополненій. Вотъ они и сочиняютъ отвѣтъ болѣе полугода, между тѣмъ я страдаю, стѣсненный во всѣхъ отношеніяхъ.

«Сколько бы преслѣдователи мои не искажали истины, прозорливость вашего сіятельства тотчасъ проникнетъ, что возводимые на меня извѣты, если бы и не были опровергнуты изслѣдованіемъ, не представляютъ въ существѣ поступковъ противныхъ закону или чести; они, ни по самому строгому суду, ни по нравственному убѣжденію, не вели бы къ столь жестокому наказанію—лишить сенаторскаго званія, заслуженнаго тяжкими, сорокалѣтними трудами.

«Думаю, что не участіе мое въ громоздкой компаніи, а гнусная клевета, очернившая меня недостойнымъ образомъ предъ государемъ императоромъ, была причиною моей погибели. Но пусть строго и безпристрастно прослѣдятъ всю мою службу, всю жизнь мою, и я уповаю несомнѣнно остаться такъ-же неукоризненнымъ, какъ и въ настоящемъ изслѣдованіи. Тягостно несть гнѣвъ государя и не знать настоящей причины, не видать возможности или оправдаться, или повергнуться съ повинною.

«Благословляю Провидѣніе, поставившее ваше сіятельство на стражѣ, чтобы неправда и козни не торжествовали передъ престоломъ; извѣстная изъ опытовъ твердость характера вашего не допуститъ угнетать невинныхъ въ угоду сильнымъ; такъ, милостивому вашему покровительству и великодушію предаетъ судьбу свою имѣющій честь быть и проч.».

4-го апрѣля 1849 г. А. Д. Боровковъ писалъ графу В. Ѳ. Адлербергу: «Одинокій, убитый, стѣсненный во всѣхъ отношеніяхъ, горько

рыдаю я, когда христіанскій міръ съ восторгомъ восклицаетъ: «Христосъ воскресе!» Жестокій ударъ, нанесенный мнѣ внезапною отставкою, сильно поразилъ мою жену; глубоко въ сердцѣ затаила она горесть; надежда на милостивое предстательство вашего сіятельства предъ августѣйшимъ монархомъ долго поддерживала ее; но минулъ почти годъ, какъ всеподданнѣйшее прошеніе мое о возвращеніи меня на службу, перебрасываемое министромъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи подъ разными предлогами, остается безъ разрѣшенія; она не выдержала и 22-го марта переселилась въ вѣчность.

«Чего хотятъ еще мои преслѣдователи? Истерзать меня ожиданіями—уморить? На меня возводили участіе въ растратѣ капитала громоздкой компаніи: я совершенно оправданъ. Казалось конецъ. Нѣтъ! Тотъ же министръ внутреннихъ дѣлъ, который черезъ посредство вашего сіятельства свидѣтельствовалъ передъ государемъ императоромъ о моей невинности, представилъ потомъ въ комитетъ гг. министровъ, согласно съ мнѣніемъ министра юстиціи, что рѣшеніе о мнѣ должно быть не прежде, какъ по воспослѣдованіи приговора о преданныхъ суду, предполагая, не откроется-ли прикосновенности моей въ безпорядкахъ по управленію компаніи. Но оба эти министра не обратили вниманія на слѣдствіе, обнаружившее положительно, что я тамъ ничѣмъ не управлялъ. Притомъ ожидать судебнаго приговора заставляютъ только меня; а другіе прикосновенные къ этому дѣлу, даже и преданные суду остаются на своихъ мѣстахъ, кромѣ одного директора Оводова.

«Не такъ дѣйствовала слѣдственная коммисія о злоумышленныхъ обществахъ. Ваше сіятельство безъ сомнѣнія помните [1]), что оправдавшіеся были немедленно возвращены къ своимъ мѣстамъ. Такое распоряженіе основано на законѣ, повелѣвающемъ внимательно разсматривать слѣдствія на тотъ конецъ, чтобы удостовѣриться въ взводимыхъ на обвиняемаго поступкахъ и не обременить судьбы его преданіемъ суду напрасно (Св. Зак. т. II, стр. 1528). Ужели для моего охраненія и законъ и справедливость безмолвны? Ждать приговора о подсудимыхъ то же что быть самому подъ судомъ.

«Не такъ поступалъ и самъ государь императоръ. Вашему сіятельству болѣе всѣхъ извѣстно великодушіе и милосердіе его величества къ государственнымъ преступникамъ. Онъ благоснисходилъ къ нимъ и благодѣтельствовалъ ихъ семействамъ, а меня, оправданнаго слѣдствіемъ, отдалъ въ жертву моимъ ожесточеннымъ гонителямъ, семейство же мое тягостнымъ лишеніямъ.

«Зная твердый характеръ и свѣтлый умъ нашего царя, не думаю,

---

[1]) Графъ Адлербергъ былъ помощникомъ Боровкова, какъ правителя дѣлъ коммисіи по дѣлу 14-го декабря 1825 года.

чтобы одна злая клевета и пустые навѣты возстановили его противъ того, кто не запятналъ ни сорокалѣтней службы, ни шестидесятилѣтней жизни своей; вѣрно есть какія нибудь основанія. Перебираю въ умѣ всѣ мои дѣйствія; не вижу поступковъ противъ закона или чести; теряюсь въ догадкахъ! Какъ человѣкъ, могъ и я проступиться, хотя безъ умысла, безъ сознанія; такъ пусть объявятъ мнѣ вину, чтобы я имѣлъ возможность оправдаться или, принеся повинную, умолять о помилованіи.

«Ваше сіятельство показали мнѣ столько благорасположенія, что я буду помнить и за гробомъ; довершите начатое, исходатайствуйте высочайшее повелѣніе—разрѣшить участь мою безъ проволочекъ. Чувствую, что, удрученный невыразимою скорбію въ преклонныхъ лѣтахъ, я не долго буду влачить печальную жизнь; такъ я желалъ бы оставить бѣдныхъ сиротъ моихъ безъ тяжкаго воспоминанія о преслѣдованіи ихъ отца. Торжественно говорю, что клевета на меня, при безпристрастномъ изслѣдованіи, распадется такъ-же, какъ извѣты по громоздкой компаніи».

«Плохо мнѣ безъ вашего сіятельства, писалъ Александръ Дмитріевичъ 4-го іюня 1849 года тому же графу В. Ѳ. Адлербергу. — Плохо мнѣ безъ царя нашего! Графъ Панинъ въ комитетѣ гг. министровъ настоялъ на своемъ: разрѣшеніе моего всеподданнѣйшаго прошенія о возвращеніи меня на службу отложено до окончанія дѣла надъ преданными суду, т. е. до того времени, когда меня не будетъ въ этомъ мірѣ.

«Немудрено было увлечь комитетъ, которому не представлены обстоятельства въ мою пользу. Вообразите, министръ внутреннихъ дѣлъ въ запискѣ своей не упомянулъ, что слѣдственная коммисія признала меня невиннымъ, о чемъ онъ посредствомъ вашего сіятельства свидѣтельствовалъ предъ государемъ императоромъ. Онъ не сказалъ также, что с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ, передавая слѣдствіе въ Надворный уголовный судъ, указалъ лицъ, подлежащихъ сужденію, именно: Оводова, Кусова, Шольца, Кильчевскаго и Попова, а прочихъ учредителей и директоровъ, *въ томъ числѣ и меня, призналъ неподлежащими уголовному преслѣдованію.*

«За что же я, оправданный слѣдствіемъ, непреданный суду, долженъ терпѣть наравнѣ съ виновными? Да это просто Шемякинъ судъ, а народъ русскій твердитъ: благо царей—въ правдѣ судей!

«Министръ юстиціи препятствіемъ къ разрѣшенію моего всеподданнѣйшаго прошенія выставляетъ два дѣла: а) въ сенатѣ, и б) во 2-мъ департаментѣ управы благочинія; но они до меня не относятся.

«Въ Сенатѣ разсматривается частное производство по прошенію Оводова, объ освобожденіи его изъ тюремнаго заключенія. Если при

этомъ случаѣ Сенатъ будетъ разсуждать о другихъ директорахъ, то превыситъ власть свою, потому что онъ не входитъ въ разсмотрѣніе дѣлъ, пока они не будутъ внесены установленнымъ порядкомъ (Св. Зак. т. I, учрежд. Сен., ст. 231), а дѣло громоздкой компаніи еще въ Надворномъ судѣ. Сенатъ не долженъ предварительнымъ сужденіемъ предупреждать рѣшеніе низшихъ инстанцій, которымъ послѣ него и судить было бы нечего. Самый вопросъ объ освобожденіи Оводова въ настоящее время не подлежитъ сужденію Сената, потому что дѣло о немъ производится въ судѣ, который и обязанъ опредѣлить: нужно ли содержать подсудимаго подъ стражею (т. XV, кн. I, стр. 69). Итакъ, министръ юстиціи и по закону, и по порядку долженъ бы производство сенатское объ освобожденіи Оводова направить въ тотъ судъ, гдѣ производится о немъ дѣло, а не приплетать къ нему признанныхъ невинными!

«Еще страннѣе указаніе министра юстиціи на 2-й департаментъ управы благочинія, въ которой нѣтъ совсѣмъ и дѣла о громоздкой компаніи. Тамъ началось слѣдствіе; но по учрежденіи коммиссіи все производство передано туда, потомъ поступило въ Надворный уголовный судъ, которому я не преданъ, какъ невинный.

«Вотъ какихъ важныхъ свѣдѣній, изложенныхъ мною только въ легкомъ очеркѣ, не было въ виду комитета гг. министровъ. Но что стану теперь я дѣлать? Пословица говоритъ: съ сильнымъ не борись! Такъ, признавая графа Панина сильнымъ, утомленный безполезною борьбою и убитый смертію моей жены, я рѣшился покориться преслѣдуемой меня судьбѣ; я рѣшился прибѣгнуть къ милосердію и великодушію государя императора и просить о назначеніи мнѣ до окончанія дѣла содержанія, котораго не лишаютъ и подсудимыхъ. Вамъ извѣстно, что въ числѣ этого содержанія заключается и окладъ помощника статсъ-секретаря, данный мнѣ вмѣсто пенсіи за работы въ коммиссіи о злоумышленныхъ обществахъ 14-го декабря. Такъ и это у меня отнято!

«Не откажите, ваше сіятельство, въ милостивомъ вашемъ посредствѣ представьте его величеству мое всеподданнѣйшее прошеніе и явите съ свойственнымъ вамъ благодушіемъ, вѣроятно, послѣднее покровительство имѣющему честь быть всегда съ глубочайшимъ почтеніемъ и безпредѣльною преданностью и т. д.»

«Высочайшимъ указомъ г. министру финансовъ, 4-го апрѣля 1841 г. повелѣно производить мнѣ прежнее содержаніе по 6204 р. 38 к. сер. Употребите ваше сіятельство благодѣтельное посредство ваше о назначеніи содержанія, сколько всемилостивѣйшему государю благоугодно будетъ, безъ дальнѣйшихъ проволочекъ; милости его величества нѣтъ предѣловъ. Если же возникнутъ опять переписки, то я и не надѣюсь дожить до рѣшенія».

Въ письмѣ государю Боровковъ писалъ:

«Напрасно сталъ бы я теперь объяснять, что эти важныя свѣдѣнія [1]) министръ внутреннихъ дѣлъ не представилъ комитету министровъ. Напрасно сталъ бы я объяснять, что министръ юстиціи препятствуетъ возвращенію мнѣ службы, неправильно поставляетъ два дѣла: а) въ правительствующемъ Сенатѣ, и б) во второмъ департаментѣ управы благочинія. Первое дѣло относится къ Оводову, который проситъ освободить его отъ тюремнаго заключенія. Въ настоящее время вопросъ этотъ подлежитъ разсмотрѣнію не Сената, а того суда, которому преданъ Оводовъ. Втораго дѣла въ управѣ благочинія нѣтъ; начавшееся тамъ слѣдствіе передано въ слѣдственную коммиссію, а все въ совокупности поступило въ Надворный уголовный судъ, которому я не преданъ.

«Всѣ объясненія мои были бы теперь неумѣстны, ибо послѣдовало уже высочайшее повелѣніе, что участь моя будетъ разрѣшена не прежде какъ по окончаніи дѣла о преданныхъ суду.

«Безмолвно покоряясь священной волѣ августѣйшаго монарха, дерзаю прибѣгнуть единственно къ милосердію и великодушію, дерзаю умолять, во уваженіе моей долговременной, усердной и безпорочной службы и крайне стѣсненнаго положенія, разстроившаго меня во всѣхъ отношеніяхъ, всемилостивѣйше повелѣть: со времени моей невольной отставки до окончанія дѣла компаніи громоздкихъ движимостей производить мнѣ содержаніе, котораго не лишаютъ даже преданныхъ суду; а я ни слѣдственною коммисіею, ни разсматривавшими слѣдствіе виновнымъ не признанъ; несмотря на то лишенъ всего и страдаю. За Богомъ молитва, за царемъ служба никогда не пропадаютъ».

Не получивъ удовлетворенія на это прошеніе, А. Д. Боровковъ подалъ на высочайшее имя новое, отъ 14-го іюня 1849 г., въ которомъ между прочимъ писалъ:

«Въ указѣ вашего императорскаго величества 25-го апрѣля 1838 года изображено: «Въ награду отлично усердной службы и особыхъ трудовъ по составленію Свода Военныхъ Постановленій дѣйствительнаго статскаго совѣтника Боровкова, всемилостивѣйше повелѣваемъ: производить ему вмѣсто аренды изъ Государственнаго казначейства въ теченіе 12-ти лѣтъ по 1500 руб. въ годъ».

«Между тѣмъ, окончившійся срокъ моей аренды съ 1-го числа сего января усугубилъ тягость моего горестнаго положенія до такой степени что при всей скромной моей жизни, я не могу прилично содержать себя съ двумя дочерьми, уже невѣстами, и съ тремя сыновьями, начинающими службу—двое военную и одинъ гражданскую. Оклады ихъ по чинамъ оберъ-офицерскимъ не удовлетворяютъ даже ограниченнымъ по-

[1]) О признаніи его по слѣдствію невиновнымъ.

требностямъ юношей, воспитанныхъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, дѣтей бывшаго сенатора. Все имѣніе мое и покойной жены моей заложено въ государственныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ. Къ довершенію бѣдствія прошедшимъ лѣтомъ въ Воронежскомъ имѣніи—основѣ нашего состоянія, — сгорѣла большая часть хлѣба, отчего не внесены проценты Московскому опекунскому совѣту, и оно подверглось описи, и такъ безъ скорой помощи оно неминуемо подвергнется продажѣ. Горестно престарѣлому отцу предвидѣть конечное разореніе дѣтей.

«Умоляю ваше императорское величество милосердно воззрѣть на горестное положеніе старика, прослужившаго усердно, неукоризненно почти сорокъ лѣтъ и невинно страждущаго въ невольной отставкѣ восьмой годъ. Въ неизмѣримой благости вашей подайте мнѣ возможность поддержать бѣдныхъ дѣтей моихъ для продолженія начатой службы царю и отечеству; повелите продолжить производство всемилостивѣйше пожалованной мнѣ еще въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника вмѣсто аренды 1500 р. въ годъ, прекращенное съ 1-го числа сего января».

7-го іюля князь Чернышевъ секретнымъ письмомъ увѣдомилъ Боровкова, что императоръ повелѣлъ производить ему «негласнымъ образомъ» 1572 р. въ годъ и выдать за прошедшее время, съ 5-го декабря 1846 года по сентябрь 1849 года 4305 руб.

Благодаря князя Чернышева за участіе и посредничество, А. Д. Боровковъ вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ графу В. Ѳ. Адлербергу [1]):

«Вижу проявленіе неослабнаго за меня предстательства вашего сіятельства: мнѣ всемилостивѣйше повелѣно производить негласно содержаніе. Конечно, назначеніе едва равняется четвертой части того, что я получалъ на службѣ; но въ крайне стѣсненномъ моемъ положеніи и это составляетъ существенную помощь.

«Скорблю, что лишенный службы, не имѣю средствъ показать дѣломъ, сколько сильно чувствую милосердіе августѣйшаго монарха. Мнѣ остается только молиться Богу за государя, какъ благодѣющаго, за васъ, какъ посредника благодѣянія. Счастливъ царь, окруженный подобными вамъ сановниками, защищающими невинныхъ по единому чувству справедливости и великодушія».

Среди глубокой скорби и испытанной несправедливости А. Д. Боровковъ продолжалъ трудиться на пользу родины. Еще въ 1844 году 29-го февраля онъ вступилъ въ члены Вольно-экономическаго общества и по предложенію принца Ольденбургскаго былъ избранъ предсѣдателемъ отдѣленій совѣта: VI (лѣсного), 23-го марта 1846 г., V (медицинскаго) 8-го апрѣля 1850 г., III (агрономическаго) 28-го апрѣля 1851 г. Не ограничиваясь занятіями предсѣдателя, А. Д. помѣщалъ въ трудахъ

---

[1]) Отъ 21-го іюля 1849 г. изъ Павловска Воронежской губерніи.

общества свои произведенія, а въ 1846 г. подъ его наблюденіемъ издавался «Лѣсной Журналъ». Во вниманіе полезной службы Боровкова по званію предсѣдателя V отдѣленія и за исполненіе въ то же время должности предсѣдателя III отдѣленія, выдана ему большая золотая медаль при граматѣ за подписаніемъ принца Ольденбургскаго, 28-го апрѣля 1851 года.

А. Д. Боровковъ скончался 21-го ноября 1856 г. въ С.-Петербургѣ и похороненъ въ семейномъ склепѣ въ селѣ Добромъ Новгородской губерніи и уѣзда. Онъ не дождался окончанія дѣла, длившагося болѣе 10 лѣтъ и по которому, несмотря на давленіе сильныхъ міра сего, выяснилось, что Кретковскій былъ пособникомъ въ растратѣ денегъ Оводовымъ, и за ложный доносъ по постановленію Уголовной палаты и Надворнаго Уголовнаго суда, подвергнуть годичному тюремному заключенію. Ред.

Автобіографическія записки А. Д. Боровкова.

I.

Вступленіе.—Мое происхожденіе.—Дѣдушка.—Бытъ помѣщика.—Моя мать.—Романическій выходъ ея въ замужество.—Банкротство отца.—Рановременная кончина его.—Неудачный второй бракъ матери.

Жизнь великихъ людей безконечна, какъ въ духовномъ смыслѣ, такъ и въ нравственномъ; знаменитыя дѣянія ихъ записываются на скрижаляхъ исторіи и подвиги воспоминаются потомствомъ. Они не умираютъ и для отдаленныхъ вѣковъ: каждое ихъ дѣйствіе разсматривается, изслѣдывается и часто служитъ примѣромъ для грядущихъ за ними поколѣній; лѣтописи сохраняютъ ихъ дѣянія.

Но жизнь обыкновеннаго человѣка прекращается съ его смертію,—она безвѣстна. Чѣмъ онъ можетъ напомянуть о себѣ въ потомствѣ, кто объ немъ вспомнитъ? одни родные, друзья и приближенные; но и это весьма рѣдко бываетъ продолжительно: каждый изъ смертныхъ болѣе заботится о будущемъ и настоящемъ, забывая прошедшее. Конечно, обстоятельства жизни частнаго человѣка не могутъ быть занимательны вообще для всѣхъ, но они любопытны—для близкихъ его сердцу, а иногда даже и для прочихъ — необыкновенными случаями, могущими быть поучительными и предостерегательными въ шаткой нашей жизни.

Говорятъ—геніи родятся; но развѣ всякій человѣкъ дѣлается вели-

кимъ при своемъ рожденіи и даже въ свою молодость? Время и дѣянія даютъ ему извѣстность. Но при всемъ томъ, таковые люди съ самыхъ юныхъ лѣтъ стремятся нечувствительно къ высокому и необыкновенному, совершенствуя только все сіе временемъ и обстоятельствами. Какимъ же образомъ, описывая жизнь великаго человѣка, и не имѣя достовѣрныхъ свѣдѣній, исключая изустныхъ преданій, о постепенномъ развитіи его душевныхъ способностей,—можно съ достовѣрностію опредѣлить полноту его генія и оцѣнить дѣянія его, которыя произошли не отъ одного слѣпаго случая? Мы часто видимъ, что ядовитая зависть отымаетъ у знаменитаго человѣка врожденныя способности и приписываетъ всѣ его дѣянія однимъ лишь обстоятельствамъ. Исторія показываетъ множество примѣровъ, что современники не всегда были справедливы въ своихъ сужденіяхъ: возстановители чистой христіанской религіи — терпѣли гоненія; законодатели — тревожились бунтами; полководцы—предавались казни; открыватели по разнымъ частямъ наукъ—осмѣивались. Одно потомство—есть нелицемѣрный судія и для него-то необходимо оставлять безпристрастныя преданія, безъ коихъ и оно затруднится произнесть справедливый свой приговоръ.

На какихъ источникахъ основывается большею частію въ текущее время жизнеописаніе великаго человѣка? Проповѣдника слова Божія—на его проповѣдяхъ; полководца—на его формулярѣ и реляціяхъ; законодателя—на указныхъ книгахъ; ученаго—на его диссертаціяхъ! Но это не жизнеописаніе, а лишь сказаніе о нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ каждаго изъ упомянутыхъ. Какой же предстоитъ трудъ потомству повѣрить все чрезъ нѣсколько вѣковъ! Оно легко можетъ попасть въ погрѣшность, разсуждая по догадкамъ: могъ ли такой-то это сдѣлать, въ состояніи ли онъ былъ произвесть то и даже могло ли быть таковое происшествіе? Вопросовъ предстоитъ на каждомъ шагу множество.

Если бы каждый глава семейства, въ особенности же изъ извѣстныхъ фамилій, ведущихъ родъ свой отъ знаменитыхъ предковъ, велъ журналъ своей жизни и своего семейства, тогда бы для историка существовали богатые матеріалы. Въ сихъ современныхъ памятникахъ частной жизни включались бы нечувствительно государственныя, народныя и физическія происшествія. Всякій, замѣчая бывшіе съ нимъ случаи, по необходимости упомянулъ бы и о какомъ-либо происшествіи, въ то время случившемся, а это-то самое и составляло бы нить для обзора общаго хода дѣлъ. Современники Петра I—Меншиковъ и Екатерины II—Храповицкій вели журналы своего служенія и описывали событія того времени. Поденныя записки сіи часто служатъ историку для повѣрки нѣкоторыхъ фактовъ и для объясненія темныхъ или сбивчивыхъ обстоятельствъ, помѣщенныхъ въ прочихъ лѣтописяхъ. Описываемыя сими двумя великими мужами подробности ихъ вѣка не могли бы быть всѣ

занимательными, если бы оныя не касались собственно ихъ самихъ; но царственныя дѣянія и политическія событія весьма важны для потомственнаго наблюдателя. Одни государственные акты не могутъ дать подробнаго свѣдѣнія ни о лицѣ, прославившемся своими дѣяніями, ни о событіяхъ, заслуживающихъ особенное вниманіе,—они должны быть пополнены описаніями очевидцевъ.

Итакъ, веденіе журнала для всякаго не будетъ излишнимъ: если кто-либо самъ или кто изъ его семейства прославится на поприщѣ жизни, тогда журналъ сей можетъ быть полезенъ для жизнеописателя. Когда же лицо остается въ неизвѣстности, то записки его могутъ иногда доставить ему самому удовольствіе въ воспоминаніяхъ случившагося съ нимъ, а послѣ его смерти—занимательны для его родныхъ и друзей.

На семъ то основаніи я рѣшился на сороковомъ году моей жизни вести таковыя записки собственно для себя. Прежде со мною случившееся внесу сюда по памяти безъ соблюденія хронологическаго порядка, а съ сего времени буду записывать каждый разъ, что случится.

Со мною въ жизни много случалось страннаго, такъ какъ и самое происхожденіе послѣдовало довольно странно. Мать моя, происходя изъ древней дворянской фамиліи, воспитывалась въ деревнѣ у отца своего, служившаго на полѣ чести слишкомъ тридцать лѣтъ и дослужившагося до чина полковника. У него было около 400 душъ крестьянъ въ хлѣбородныхъ губерніяхъ; онъ имѣлъ богатую усадьбу въ Тульской губерніи, жилъ привольно и дружно съ своими сосѣдями. Онъ былъ смертельный врагъ процессамъ и ябедамъ. Случалось иногда заспоритъ съ нимъ кто-либо о клочкѣ земли, или скотинѣ потоптавшей хлѣбъ, онъ тотчасъ отдавалъ то и другое; пристанетъ къ нему съ кляузами исправникъ, или засѣдатель, онъ скоро съ ними сладитъ,—кому лошадь подаритъ, кому корову, а иногда и семью людей. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ тихаго характера, но только уступчивъ и, кажется, отъ трусости или большаго невѣдѣнія въ дѣлахъ; въ отношеніи же сосѣдей и близкихъ къ нему былъ весьма суровъ. Сосѣдей на пирушкахъ часто бранилъ, а подъ-часъ и билъ, но за то и платилъ. Дѣтей своихъ держалъ въ страхѣ Божьемъ, а челядинцевъ и крестьянъ — въ боязни господской. Старики наши не роскошествовали; чаю и заморскихъ винъ не знали; наварятъ себѣ варенухи и—пошелъ пиръ горой. Они весьма часто собирались къ дѣду моему, который былъ мастеръ уподчивать своихъ гостей, а къ тому-жъ тѣшилъ ихъ пѣсельниками, хороводами и нерѣдко иллюминаціею и фейерверкомъ своего изобрѣтенія: вмѣсто шкаликовъ и плошекъ зажигались дегтярныя бочки, а взамѣнъ потѣшныхъ огней—пылали наметы съ соломой. Причемъ случалось иногда, сильный вѣтеръ вырветъ клокъ горящей соломы и броситъ или на людскія избы, или на деревню, онѣ загорятся и сгорятъ до основанія, а старики не

перестаютъ плясать при такомъ освѣщеніи. На другой день однакоже, выспавшись хорошенько, они сдѣлаютъ складчину и обстроятъ крестьянъ по старому, наградивъ при томъ за пожитки ихъ.

Много было проказъ у дѣдушки, но одинъ его поступокъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. У него между многими находился дворовый человѣкъ, который, несмотря ни на какія наказанія, хитро придуманныя, велъ себя чрезвычайно дурно. Дѣдушка, потерявъ всякое терпѣніе, рѣшился его избавиться и предлагаетъ бѣдному сосѣду купить его и за сколько же? за пять копѣекъ мѣди. Сосѣдъ соглашается, надѣясь какъ нибудь исправить негодяя. Призываютъ человѣка и дѣдушка обращаясь къ нему говоритъ:

— Вотъ, видишь ли, до чего себя ты довелъ, что за тебя болѣе пяти копѣекъ не даютъ, менѣе чѣмъ за барана или за свинью.

Торгъ кончился и это такъ сильно подѣйствовало на проданнаго, что онъ у новаго господина въ скоромъ времени исправился.

Множество было занимательныхъ происшествій съ дѣдушкою, о которыхъ при случаѣ я вспомню, а теперь обращаюсь къ моей матери. Въ давно прошедшія времена не воспитывали въ деревняхъ по нынѣшнему дѣтей своихъ, а потому и дѣдушка держался старины: онъ пригласилъ для ученія сына своего и трехъ дочерей однакоже не дьячка, какъ другіе дѣлали, а приходскаго попа, который и преподавалъ имъ часословъ и псалтирь. Этого съ нихъ было довольно, особливо для боярышень: старики говаривали: «мудреная жена—хуже сатаны».

Кончивши года въ два всѣ науки, то-есть читать по складамъ и писать по линейкамъ, сынъ отправился въ армію на службу, а дочери, придя въ возрастъ, начали поджидать жениховъ. Сынъ не долго служилъ, онъ поспѣшилъ выйти въ отставку, для устройства, какъ говорятъ и нынѣ, хозяйства,—и принялся за него порядкомъ: тотчасъ завелъ собакъ,—не прилично же будущему помѣщику не имѣть ихъ,—ястребовъ и множество разныхъ птицъ, до которыхъ онъ былъ смертный охотникъ. Въ это время старшая сестра его вышла замужъ за дворянина отставнаго изъ статской службы. Этому браку многіе удивлялись, говоря, какъ можно столбовому дворянину и еще съ состояніемъ—отдать дочь свою не за военнаго, жертвующаго своею жизнію за отечество. Но какъ же они всѣ изумились до крайности, до сумасшествія, когда мать моя черезъ годъ послѣ того, выходила замужъ; да и въ самомъ дѣлѣ, свадьба эта похожа была по тогдашнему на сказку, а по нынѣшнему на романъ.

Дѣдушка мой, соображаясь съ духомъ того времени, наблюдалъ строго родословный порядокъ, по которому слѣдовало выдавать мать мою замужъ. Получивши тысячу замѣчаній отъ родныхъ и друзей за бракъ старшей его дочери, онъ сдѣлался строгъ въ выборѣ—для второй.

Жениховъ было довольно, хотя невѣстѣ только что минуло четырнадцать лѣтъ, но всѣ они были забракованы по разнымъ причинамъ, изъ коихъ едва ли хоть одна заслуживала уваженія. Неисповѣдимы судьбы Всевышняго! Послѣ такого строгаго разбора, на кого жъ палъ жребій? Разскажемъ.

Въ то время, какъ и нынѣ, ѣздили по деревнямъ мелочные торгаши съ разными товарами, и пріѣзжали обыкновенно въ деревню передъ праздниками, когда можно сбыть съ рукъ побольше всякаго вздору. У дѣдушки храмовой праздникъ былъ зимою въ день чудотворца Николая; вотъ наканунѣ и прибыли торгаши, между коими находился молодой парень, сынъ зажиточнаго веневскаго купца. Вечеромъ, передъ праздникомъ, послѣ всенощной, отпѣтой на дому, товары разложены въ залѣ на столахъ. Родныхъ и гостей съѣхалось множество, всѣ обступили столы, любовались вещами, а сѣнныя дѣвушки сзади господъ таращили свои глаза. Гости понемногу разбирали разныя покупки, и дѣдушка тоже купилъ своимъ дочерямъ и прочимъ роднымъ. Барышни же могли только смотрѣть, не смѣя сказать, что имъ нравилось и что онѣ желали бы имѣть. Торгъ кончился, и купчины отправились ночевать въ отведенную имъ избу, гдѣ ихъ изобильно накормили и напоили, послѣ чего они расположились спать. Но злой духъ мучилъ веневскаго молодца и не давалъ ему уснуть; ему грезилась все вторая дочь помѣщика, съ которой онъ не спускалъ глазъ во время торгу такъ, какъ она съ его товаровъ. Она была молода и прекрасна собою, отецъ ея дворянинъ и съ хорошимъ достаткомъ; торгашъ—также молодъ, недуренъ собою, отмѣнно ловокъ и тоже имѣетъ достатокъ. Чѣмъ чортъ не шутитъ! Развѣ не было примѣровъ, даже и въ старину, что княжескія и графскія дочки выходили за незначительныхъ людей, и что дворяночки убѣгали отъ родителей съ крѣпостными своими людьми, за которыхъ выходили замужъ. Молодецъ рѣшился испытать счастія и началъ дѣйствовать осторожно: онъ не осмѣлился обратиться съ предложеніемъ къ отцу, а и того менѣе къ его дочери, которыя въ то время не могли, подъ страшнымъ проклятіемъ, выбирать себѣ мужей, а должны были раболѣпно исполнить волю родителей. Ловкій парень приступилъ къ сему мечтательному намѣренію—по-купечески: онъ подарилъ старой нянѣ китайки на сарафанъ, другой — бухарскій, сдѣланный въ Москвѣ, платокъ, всѣмъ сѣннымъ дѣвушкамъ — которой платочекъ, которой перстенекъ; одной сережки съ цвѣтными камушками, а другой—бисерное ожерелье. Онъ не забылъ также и дворни, всѣхъ одѣлилъ чѣмъ попало, начиная съ малаго до старика, такъ что разорился рублей на десять; а это тогда были большія деньги. Вотъ всѣ и заговорили въ домѣ, что это за молодецъ, да какой умный и добрый; вотъ бы женихъ нашей барышнѣ, да жаль, что онъ не дворя-

нинъ и не офицеръ. Между тѣмъ купецъ успѣлъ наговорить бабушкамъ и мамушкамъ, что онъ сынъ богатаго отца, съ которымъ не брезгуютъ знаться графы и князья и часто удостаиваютъ занимать у него деньги; что они его уважаютъ и обѣщаютъ даже единственнаго его сына записать въ гвардію—солдатомъ, а послѣ выхлопочутъ ему и офицерскій чинъ, и что это легко сдѣлать, если бы сынъ былъ женатъ на дворянкѣ, которая можетъ просить своему мужу дворянское званіе.

Вотъ тутъ-то и пошли разговоры и толки, переходя изъ кучерской въ людскія, потомъ въ переднюю, дѣвичью и наконецъ во всѣхъ углахъ барскаго дома шептали о томъ же. Старушки разведя умомъ да разумомъ—признали дѣло сіе хорошимъ и возможнымъ, онѣ успѣли уже многое наговорить и невѣстѣ, которая отвѣчала только одно: «воля родительская!» Нѣкоторыя изъ нихъ побойчѣе, осмѣлились со всею тонкостію доложить старой барынѣ, безгласной женѣ строгаго дѣдушки: она ни во что не вмѣшивалась, предоставила мамушкамъ самимъ объяснить о семъ барину. На другой день праздника, старушки, чтобы не терять благопріятнаго времени, пока женихъ былъ на лицо, отважились доложить о семъ въ веселый часъ барину. Дѣдушка изумленный и до крайности взбѣшенный такою дерзостію, порядкомъ пожурилъ мамушекъ, а торгашей—въ ту же минуту согналъ со двора, не сказавъ однакоже никому о семъ постыдномъ предложеніи.

Начало имѣло весьма худой успѣхъ; но молодецъ не терялъ надежды. Спустя нѣкоторое время, узнавши всѣхъ родныхъ своей будущей и ихъ слабости, онъ нарочно поѣхалъ ко всѣмъ имъ подъ видомъ торговли. Вездѣ велъ себя, какъ говорятъ, вѣжливо, скромно, всѣмъ старался угодить и всѣ отмѣнно его полюбили; но болѣе всѣхъ старыя барыни, у которыхъ онъ снискалъ любовь тѣми же средствами, какъ и въ домѣ дѣдушки. Онъ съ щедростію дарилъ разными вещами бабушекъ, тетушекъ, двоюродныхъ сестрицъ и кумушекъ подъ видомъ продажи въ долгъ—безъ отдачи и съ значительною уступкою, говоря имъ: «о деньгахъ не безпокойтесь, послѣ сочтемся».

Такимъ образомъ всѣ обласканныя вещественно веневскимъ купцомъ, твердили безпрерывно своимъ роднымъ о добротѣ и умѣ его. Похвала, переходившая изъ устъ въ уста, склонила всѣхъ въ пользу его. Сверхъ сего, особенный случай доставилъ ему еще большое уваженіе. Дѣдушка съ уступчивымъ характеромъ, съ готовностію помогать ближнимъ и съ платежемъ за сожженныя имъ въ пиру деревни,—весьма растратился и заложилъ одну деревню. Срокъ платежа наступилъ, денегъ не было и деревню намѣревались продать съ публичнаго торгу. Жаль разстаться съ родовымъ имѣніемъ, что дѣлать? надобно перехватить у кого-нибудь денегъ. Онъ узналъ, что есть въ Веневѣ одинъ старикъ изъ купцовъ и прелестнѣйшій человѣкъ, который даетъ

деньги безъ закладной. Дѣдушка по необходимости поѣхалъ къ нему и дѣйствительно нашелъ почтеннаго старца—истиннаго христіанина. Онъ велъ значительную торговлю, имѣлъ заводы: кожевенный, купоросный и селитряный; состояніе его было въ цвѣтущемъ положеніи. Знавши хорошо всѣхъ окрестныхъ помѣщиковъ и не сомнѣваясь въ честности дѣдушки, онъ не задумался ссудить его просимою суммою.

Прошла зима, наступила весна и приближался уже Николинъ день. Опять къ дѣдушкѣ съѣхалось много родныхъ и сосѣдей и опять пріѣхали торгаши съ веневскимъ купцомъ, который однакоже не показывался на глаза, и оставался при возахъ. Праздновали обыкновенно недѣлю и болѣе; въ это время старушки успѣли хорошенько потолковать между собою о купчинѣ, который незадолго до сего умолялъ помочь ему жениться на дочери дѣдушки и убѣдилъ своимъ краснорѣчіемъ, обѣщаясь поддерживать при случаѣ ихъ состояніе. Въ числѣ доказательствъ своей страсти, объявилъ имъ, что дѣдушка занялъ у его отца значительную сумму денегъ и если онъ получитъ жену, то долгъ сей не будетъ взыскивать, а еще дастъ сколько угодно.

Этого было уже весьма достаточно. Всѣ напали явно на дѣдушку, умоляя, прося и даже требуя, чтобы онъ согласился отдать вторую свою дочь за веневскаго купца; ему объяснили, что онъ единственный сынъ того почтеннаго старика, у котораго онъ занялъ деньги и что ихъ онъ не станетъ взыскивать. Дня три дѣдушка оборонялся отъ нихъ и бранью и угрозами и даже толчками,—наконецъ изнемогъ. Онъ заперся въ кабинетѣ, началъ разсуждать, а разсужденіе есть уже половина согласія, помолился съ усердіемъ Богу и произнесъ тяжко: «буди Его святая воля!»

На другой день при собраніи всѣхъ родственниковъ, дѣдушка торжественно изъявилъ свое согласіе. Веневскій купецъ, наблюдая за всѣмъ изъ сарая, тотчасъ явился и палъ передъ старикомъ на колѣни, потомъ обнималъ поперемѣнно всѣхъ родныхъ. Привели молодую и не спрося ея желанія, тутъ же и обручилъ находившійся на праздникѣ сельскій священникъ. Послѣ того послали за отцомъ жениха, который весьма радъ былъ такому браку—и молодыхъ немедленно обвѣнчали. Пиръ продолжался нѣсколько дней на славу, послѣ чего всѣ мало-помалу разъѣхались, а молодые поѣхали въ Веневъ.

Отецъ мой недолго пожилъ съ моею матерью въ Веневѣ: дѣдъ мой (по отцу), восьмидесятилѣтній старикъ, скончался, и сынъ не умѣлъ сберечь большаго состоянія. Безъ образованія, безъ разсудительной предпріимчивости и разсчетливой дѣятельности онъ не умѣлъ управлять дѣлами. Заводы въ короткое время разстроились, торговля упала, хозяйство было въ безпорядкѣ, повсюду водворилось большое небреженіе, обманъ и воровство. Отецъ мой, гулявши что называется день и ночь,

приписывалъ все это несчастію, неудачамъ, бѣдности города, въ которомъ нельзя имѣть большихъ оборотовъ въ коммерціи; забывъ при томъ, какъ и гдѣ предки его составили себѣ значительное состояніе.

Утвердившись въ сихъ мысляхъ, родитель мой уничтожилъ заводы, распродалъ лавки и дома въ уѣздномъ городѣ, переселился въ Москву, надѣясь въ столицѣ болѣе имѣть успѣха отъ своего промысла. Но не такъ вышло: съ оставшимся у него капиталомъ, онъ вдавался въ многоразличные обороты—и все безъ успѣха, какъ и на родинѣ его, по той же самой причинѣ. Въ самое короткое время пребыванія въ столицѣ, имѣніе его исчезло, жена его съ христіанскимъ терпѣніемъ переносила всѣ несчастія—и тогда-то начали рождаться у нихъ дѣти ежегодно, по старому повѣрью—на бѣдность и дѣти множатся. Прошло еще нѣсколько лѣтъ бѣдственнаго состоянія и отецъ мой, спѣшившій жить—переселился въ вѣчность.

Послѣ отца, у матери моей оставалась небольшая деревня, въ Орловской губерніи, доставшаяся ей въ приданое, и сверхъ того она наслѣдовала еще небольшую деревню въ Воронежской губерніи, доставшуюся ей послѣ смерти родного брата, умершаго въ молодыхъ лѣтахъ холостымъ. Такимъ образомъ у нея составилось около 80 душъ крестьянъ и она могла бы прожить безбѣдно съ дѣтьми до конца своей жизни, если бы молодость и неопытность не лишили ея послѣдняго достоянія. Оставшись молодою вдовою и имѣя на попеченіи своемъ малолѣтнихъ дѣтей, она чувствовала необходимость въ новомъ мужѣ. И что же? опять выборъ былъ неудаченъ: у нашего отца при жизни его находился приказчикъ изъ купцовъ и онъ-то сдѣлался ея мужемъ. Какъ это случилось, подробности мнѣ неизвѣстны, но надобно полагать, что въ семъ дѣлѣ распорядилась опрометчивость и молодость моей матери.

Названный мой отецъ не лучше былъ настоящаго: не имѣвши необходимой въ коммерціи разсудительности и смѣтливости, онъ не могъ не только сдѣлать удачныхъ оборотовъ, но даже управлять хозяйственнымъ образомъ оставившимся имѣніемъ моей матери.

Послѣ многихъ дѣтей у матери моей бывшихъ отъ перваго мужа, насъ осталось въ живыхъ только трое: братъ, сестра и я; отъ второго же мужа была одна дочь, которая въ младенчествѣ умерла. Мы не успѣли еще достигнуть юношескихъ лѣтъ, какъ мать наша отъ несчастнаго замужества и худаго распоряженія впала въ долги и принуждена была для уплаты оныхъ продать половину своего имѣнія. Вскорѣ послѣ того и другой ея мужъ умеръ отъ невоздержанности—и мать рѣшилась жить только для насъ однихъ.

Тѣ же самыя бабушки, тетушки и сестрицы моей матери, которыя сладили первую ея свадьбу, опорочивали второй союзъ ея и старались уклоняться отъ родственныхъ связей. Однако же, когда случалось имъ

пріѣзжать въ Москву, то всегда останавливались съ своими челядинцами у моей матери—изъ сожалѣнія, какъ они говорили, къ ней, а кажется справедливѣе изъ корыстныхъ разсчетовъ.

Несчастная мать моя была добродѣтельнѣйшею женщиною: она любила всѣхъ своихъ родныхъ, несмотря на ихъ толки, принимала къ себѣ сиротъ, воспитывала ихъ, размѣщала по богоугоднымъ заведеніямъ, совершеннолѣтнихъ дѣвушекъ выдавала съ приличнымъ приданымъ замужъ и помогала, по своимъ силамъ, всѣмъ прибѣгающимъ къ ней бѣднымъ. Она жила не роскошно, но порядочно; доходы съ деревни ея были весьма ограничены: столичная жизнь съ семействомъ и расходы на пособія несчастнымъ превосходили ея состояніе и она находилась въ необходимости продавать ежегодно что-либо изъ имѣнія своего, отчего по совершеннолѣтіи нашемъ ничего намъ не осталось, но, благодаря Бога, и долговъ по себѣ намъ не оставила.

II.

Рожденіе и юность. — Я проданъ Донскимъ казакамъ. — Дѣтская шалость. — Рѣзвость характера. — Поступленіе въ гимназію. — Встрѣча съ монахами. — Поступленіе въ Московскій университетъ. — Профессоры и ихъ характеристика.—Жизнь въ университетѣ.

Начало моей жизни произошло отъ довольно страннаго брака, и я родился (10-го іюня 1788 г.) неестественнымъ порядкомъ, выйдя на свѣтъ ранѣе обыкновеннаго около мѣсяца, къ тому же еще и въ дорогѣ, когда моя мать ѣхала въ деревню къ отцу своему.—Провидѣніе, назначивъ мнѣ въ удѣлъ тернистый путь, съ самыхъ юныхъ моихъ лѣтъ стало пріучать меня къ перенесенію всякаго рода непріятностей. Во время моего еще младенчества, со мною случилось четыре довольно важныя обстоятельства: моя мать имѣла обыкновеніе выкармливать всѣхъ своихъ дѣтей собственнымъ молокомъ; но она не могла выполнить этого со мною, сдѣлавшись нездоровою мѣсяца черезъ четыре послѣ моего рожденія. При всемъ томъ, она никакъ не хотѣла поручить наемной женщинѣ кормить меня грудью, а признала за лучшее употребить для сего рожокъ съ коровьимъ молокомъ. О семъ предметѣ моя мать разсуждала такъ: «я люблю моихъ дѣтей и хочу, чтобы они меня также любили и обязаны были бы всѣмъ мнѣ одной». Какъ люди, такъ и всѣ вообще творенія получаютъ болѣе привязанности къ тому, отъ кого они получаютъ пищу, а не рѣдко и самыя наклонности ихъ зависятъ отъ сего.

Мнѣ исполнилось три года и за мною ходила уже собственная пожилая дѣвка, которая вела себя очень хорошо; однако же не могла преодолѣть женскую слабость: у ней былъ любовникъ, котораго посадили за долги въ тюрьму и ей надобно было достать денегъ для освобожденія его. Нянька моя въ воровствѣ не упражнялась, да и не рѣшилась на таковое постыдное дѣло, а изобрѣла, по ея понятію, менѣе позорное средство—продать меня тайно Донскимъ казакамъ, часто пріѣзжавшимъ въ то время въ Москву за таковымъ дѣломъ. Нянька по обыкновенію ходила гулять со мною по улицамъ; однажды мы долго не возвращались; наступила ночь, а насъ все нѣтъ. Бросились искать по всѣмъ знакомымъ, вездѣ и у всякаго спрашивали—никто насъ не видалъ; поутру еще съ большимъ стараніемъ обратились къ поиску и человѣкъ нашъ нечаянно встрѣтилъ няньку на дорогѣ къ тюрьмѣ, куда она шла уже одна — и съ деньгами. Ее привели домой, она во всемъ призналась и указала мѣсто, гдѣ меня продала. Объявили тотчасъ полиціи и открыли преступниковъ. Меня взяли, казаковъ подвергли суду, а дѣвку впослѣдствіи продали уже гласно такимъ же казакамъ. Въ то время о нихъ имѣли худое понятіе, и продавали имъ людей въ примѣрное наказаніе.

Послѣ сего прошло четыре года и мнѣ минуло семь лѣтъ, когда матери моей разсудилось ѣхать на богомолье въ Кіевъ. Собравшись всѣмъ семействомъ—мы поѣхали, помѣстясь сами въ коляскѣ, а людей посадили въ повозку. Проѣзжая Курскую губернію, въ одинъ лѣтній жаркій день, мнѣ захотѣлось сѣсть въ повозку къ нянькѣ. Мы ѣхали на своихъ лошадяхъ и большею частію шагомъ; лошади едва тащились, нянька и дѣвка спали, а кучеръ дремалъ. Увидѣвши на лугу прекрасные цвѣточки, я выпрыгнулъ изъ повозки, и никто того не видалъ. Проѣхавъ верстъ пять, моя мать спохватилась гдѣ я. Недоумѣніе и испугъ всѣхъ объялъ превеликій, поворотили назадъ уже рысью и находятъ меня бѣгающаго по лугу, съ дѣтскою безпечностію, за бабочками и нисколько не безпокоющагося объ отсутствіи моихъ ближнихъ. Наконецъ мы достигли достославнаго Кіева, мать моя стала ходить ежедневно на всякое служеніе церковное въ Печерскій монастырь, куда и меня часто водили и носили; но видя, что я по лѣтамъ моимъ не въ состояніи былъ выдерживать исполненія всѣхъ требъ, въ теченіе коихъ спалъ препокойно гдѣ нибудь въ уголку, то и стали оставлять меня съ нянькою дома.

Я былъ отъ природы весьма живаго характера: любилъ шутить, смѣяться и рѣзвиться, но соблюдалъ всему мѣру. Шалости мои всегда были, такъ сказать, ребяческими: надъ старшими не смѣялся, начальниковъ уважалъ, родственниковъ истинно любилъ; но побѣгать до упаду, полазить по крышамъ, перелѣзать чрезъ заборы и перепрыгнуть ровъ или канаву — это было мое дѣло. При томъ съ малолѣтства я любилъ во всемъ порядокъ и соблюдалъ бережливость: я не могъ смотрѣть

равнодушно, если въ домѣ своемъ увижу какую либо вещь не на своемъ мѣстѣ, или не въ надлежащей исправности; тотчасъ ее переставлю или чищу и исправляю самъ, не дожидаясь прислуги; отъ моего любопытства не избѣгала и кухня, гдѣ меня занимало приготовленіе вкуснаго обѣда, особенно же когда ожидали гостей. Тутъ же я находилъ для себя много дѣла, разумѣется, въ праздничные дни: то надобно вычистить, это переставить, комнаты покрасивѣе убрать, о столѣ похлопотать и позаботиться, чтобы всего достало вдоволь.

Съ раннихъ лѣтъ мать помѣстила меня и брата въ гимназію, бывшую при Московскомъ университетѣ, своекоштными учениками.

Лѣтомъ 1801 года, въ Москвѣ, близъ Срѣтенскихъ воротъ, мальчикъ, одѣтый пристойно, въ сѣромъ нанковомъ сюртукѣ, въ бѣлыхъ канифасныхъ шальварахъ, пестромъ жилетѣ и шелковомъ платкѣ на шеѣ, игралъ въ свайку. Два монаха: одинъ престарѣлый, съ длинною сѣдою бородою, другой среднихъ лѣтъ, черноволосый и черноокій, смотрѣли на игру.

— Погляди-ко, сказалъ старикъ младшему, какъ мѣтко сѣрый парень попадаетъ въ кольцо; какъ глубоко запускаетъ въ землю свайку, когда промахнувшійся состязатель его долженъ вынимать ее.

— Славно играешь, сынъ мой, сказалъ старикъ сѣрому мальчику. Такъ ли ты прытокъ въ наукѣ, какъ въ игрѣ свайкою? Дайка-ка, поэкзаменую: гдѣ учишься?

— Въ университетской гимназіи.

— А что есть Богъ?

— Не знаю.

— Развѣ не учатъ васъ Закону Божію?

— Отецъ Макарій объяснилъ намъ десять заповѣдей, молитву Господню и Символъ вѣры. Все это я выучилъ наизусть; могу сказать дифиницію Бога по катехизису; но все-таки Богъ для ума моего остается непостижимымъ.

— Который тебѣ годъ?

— Тринадцатый.

— Это будущій вольнодумецъ, проговорилъ молодой монахъ.

— Нѣтъ, возразилъ старикъ, это хвастунъ, желающій щеголять умомъ; но физіономія его привлекательна, откровенна.—Нѣтъ, онъ никогда не впадетъ въ вольнодумство; поживетъ, осмотрится и изъ него будетъ прокъ.

Потомъ, обратясь къ мальчику, сказалъ кротко и ласково:

— Молись усердно, учись прилежно, блюди нравственность какъ святыню, Богъ вразумитъ тебя и ты поймешь Непостижимаго. Въ душѣ твоей гнѣздится зародышъ гордости; это смертный грѣхъ, — смирися! Какъ тебя зовутъ?

— Александръ.

— А прозваніе?

— Боровковъ.

— Стань на колѣни.—Да будетъ надъ тобою, рабъ Божій Александръ, благословеніе Божіе! Да просвятитъ тебя Непостижимый!

Крѣпко поцѣловалъ я руку, меня благословившую, слезы умиленія покатились изъ глазъ моихъ. Слова престарѣлаго монаха глубоко запали въ мою душу. Я сталъ менѣе предаваться играмъ и разсѣянности, а болѣе прилѣпился къ наукамъ и чтенію. Еще учась синтаксису, я перевелъ изъ латинской христоматіи о языческихъ богахъ; а потомъ года черезъ три съ французскаго О бытіи Божіемъ. Этотъ переводъ мой напечатанъ, помнится, въ 1808 году, въ журналѣ «Другъ Юношества» съ лестнымъ отзывомъ издателя г. Невзорова. Я участвовалъ также въ изданіи ученическомъ подъ заглавіемъ «Весенній цвѣтокъ», въ которомъ помѣщено нѣсколько сочиненій моихъ въ стихахъ и прозѣ. Я занимался и переводами романовъ, которыхъ не зналъ и заглавій. Здѣсь надобно объясниться: кандидатъ Бурнинскій, знавшій хорошо русскій и французскій языки, бралъ отъ книгопродавцевъ на подрядъ переводить романы. Онъ разрѣзывалъ ихъ по листамъ и отдавалъ для перевода ученикамъ, платя отъ 5 до 10 р. асс. за печатный листъ оригинала; потомъ самъ все сплачивалъ и сглаживалъ стиль. Бурнинскій проявилъ замѣчательныя способности въ стихотворствѣ; онъ могъ бы стать въ ряду лучшихъ нашихъ поэтовъ, если бы ранняя смерть не стащила его ad patres.

При всемъ стараніи моемъ, я и въ гимназіи, и въ университетѣ не могъ возвыситься надъ золотою посредственностію (mediocritas aurea, какъ выразился Горацій), не могъ попасть въ разрядъ отличныхъ учениковъ, а всегда держался средины. Откровенно сказать, причиною этого была ужасная лѣнь, овладѣвавшая мною лѣтомъ. Осенью и зимою я сидмя сидѣлъ за книгами и тетрадями, не любя ходить въ гости, особенно въ шумныя, многолюдныя собранія; но лишь только Москва рѣка сброситъ съ себя ледяные оковы, лишь только начнетъ показываться зелень на лугахъ, лишь только листья начнутъ покрывать деревья, я бѣгу въ лѣсъ, въ объятія матери природы; тамъ провожу цѣлые дни въ забвеніи, тамъ мечтаю, тамъ заслушиваюсь соловья, а наука идетъ вяло, кое-какъ, только бы не совсѣмъ отстать отъ товарищей. Если бы не преобладало во мнѣ чувство долга, обязанности; если бы въ эти счастливыя минуты самозабвенія не побуждало меня честолюбіе, то вѣроятно я остался бы послѣдній изъ послѣднихъ. Къ этому присоединялось сознаніе необходимости: я видѣлъ, какъ бѣдная добрая мать моя терпѣливо переносила лишенія для себя, стараясь доставить намъ, т. е. мнѣ, брату моему меньшому и сестрѣ, возможное довольство.

исполнить наши прихотливыя, дѣтскія желанія; я видѣлъ какъ она нуждалась, какъ плакала, продавая родовыя свои небольшія деревни, одну за другою, чтобы прилично поддержать семью; я видѣлъ, что у насъ почти ничего не остается и убѣждался въ необходимости учиться и работать, и это убѣжденіе боролось съ моею лѣтнею лѣнью. Объ отцѣ моемъ не говорю: онъ скончался, когда мнѣ было пять лѣтъ и я не зналъ его; мать говорила, что онъ былъ кроткій, добрый, но безпечный.

Состояніе наше постепенно распадалось: уже не лишенія, а нужда вторгалась въ нашу семью. Мать моя вынуждена была продать московскій домъ свой; мы перебрались на квартиру. Горестныя чувства подавляли меня; я порывался остановить разрушеніе, но не могъ: мнѣ было только 16 лѣтъ. Матери совѣтовали отдать меня и брата моего на казенное содержаніе; но она добрая, сердобольная боялась, чтобы безъ личнаго, безпрерывнаго ея наблюденія не испортилась наша нравственность. Кажется, тайнымъ ея помысломъ была другая причина: она страшилась строгости посторонняго надзора и грубости казеннаго содержанія; она знала, что тамъ не дадутъ намъ ни чаю, ни ватрушекъ; материнское сердце ея раздиралось отъ такихъ лишеній.

Провидѣнію благоугодно было подать мнѣ средство добывать деньги на мои личныя издержки. Хозяинъ дома, гдѣ мы нанимали квартиру, собирался помѣстить двухъ малолѣтнихъ сыновей своихъ въ университетскую гимназію; онъ пригласилъ меня подготовить ихъ. За 25 руб. асс. въ мѣсяцъ я добросовѣстно занимался съ ними по два часа каждый день. Эти уроки были для меня весьма полезны; кромѣ денежныхъ пріобрѣтеній, я самъ укрѣплялся въ наукахъ. Какъ радовало меня, когда мать моя, цѣлуя меня, говорила:

— Вотъ, Саша, ты уже самъ себѣ добываешь на платье; какой щегольской ты сшилъ сюртучекъ! Да благословитъ тебя Богъ за твое стараніе. Только боюсь, чтобы труды твои не разстроили твое здоровье.

Такимъ образомъ я съ раннихъ лѣтъ втянулся и полюбилъ работу, хотя лѣтомъ все-таки занимался менѣе, все-таки любилъ загородныя прогулки, особенно удить рыбу. Съ удочкой на берегу рѣки я проживалъ нѣсколько часовъ; но на это развлеченіе я посвящалъ уже не будни, а праздники, да и то бралъ съ собою или книги, или тетради, приготовляясь къ профессорскимъ лекціямъ.

Наконецъ на семнадцатилѣтнемъ возрастѣ меня сдѣлали студентомъ! О! какое торжество достигнуть юношѣ до такого званія! Скажу нѣсколько словъ о порядкѣ сего производства.

Передъ актомъ университета или публичнымъ собраніемъ, какъ называли тогда, дѣлаются ученикамъ по всѣмъ классамъ генеральные

экзамены. Въ студенты же производятся изъ латинскаго риторическаго класса, а прочіе предметы служатъ только для соображенія. Въ латинскомъ классѣ насъ было тогда тридцать два ученика; мы всѣ экзаменовались избранными по сему предмету профессорами, написали тутъ же небольшія на латинскомъ языкѣ дессертаціи и представили ихъ на судъ ученыхъ мужей. Болѣе недѣли, послѣ того, мы томились въ неизвѣстности, кого изъ насъ удостоятъ ученой степени; каждый день мы бѣгали къ столовой, гдѣ обыкновенно выставлялось извѣщеніе и, наконецъ, явилось на стѣнѣ желаемое объявленіе, въ которомъ означены были тринадцать учениковъ, назначенныхъ студентами, въ числѣ коихъ находилось и мое имя. Съ какимъ восторгомъ я бросился домой извѣстить о семъ счастіи мою мать, обрадованную также симъ чрезвычайно. Семнадцатилѣтній юноша студентъ! будетъ носить шпагу! О! это весьма было для меня много.

Тотчасъ мнѣ сдѣлали всю униформу, и я, въ день акта, явился къ начальству отдать мою шпагу, которая должна была мнѣ быть вручена при всемъ собраніи. Съ четырехъ часовъ начали съѣзжаться приглашенные знаменитые посѣтители, любопытствующіе же сходились толпами; пріѣздъ извѣстныхъ лицъ извѣщался трубами и литаврами, на крыльцѣ для того поставленными. Огромнѣйшая зала скоро наполнилась; народу собралось всякаго званія множество и помѣстились на разставленныхъ стульяхъ: профессора занимали мѣста у каѳедры, учителя, съ отдѣленіями учениковъ, удостоиваемыхъ наградъ, составляли большое полукружіе. По данному знаку загремѣла музыка и раздался хоръ во славу великаго монарха; тутъ по очереди всходили многіе профессоры на каѳедру говорить изготовленныя ими рѣчи на разныхъ языкахъ, которыя большая часть слушателей не понимала или по чуждому для нихъ предмету, или по незнанію языка, но такъ уже водится, что говорить надобно. Послѣ каждой рѣчи играла музыка и пѣли пѣвчіе; наконецъ конференцъ-секретарь, прочитавъ годичный отчетъ академическаго курса, началъ вызывать по одиночкѣ учениковъ для принятія награды за ихъ прилежаніе и успѣхи. Первые выходили новые студенты, награждаемые шпагами, а потомъ ученики—за книгами, эстампами и математическими инструментами. Любопытно было смотрѣть на радостныя лица юношей, съ какимъ самодовольствіемъ они выступали впередъ при произнесеніи ихъ имени, съ какимъ восхищеніемъ они принимали изъ рукъ почтенныхъ наставниковъ пріобрѣтенныя ими награды. Многіе мои товарищи отъ восторга забывали себя, въ томъ числѣ и я, вложившій шпагу въ портупею на изворотъ. Да, какая разница удостоиться награды при тысячахъ зрителей, чѣмъ получить чинъ, сидя за письменнымъ столомъ втихомолку.

Въ университетѣ я особенно былъ связанъ дружбою съ студентами

Богдановымъ и Никитинымъ. Первый былъ мечтатель и остался незамѣтнымъ ни по службѣ, ни въ литературѣ, хотя по его способностямъ и образованію могъ бы проявить себя и на томъ, и на другомъ поприщѣ. Второй, дѣятельный, умный, расторопный и ловкій, достигъ, такъ сказать, изъ ничего, званія статсъ-секретаря и чина тайнаго совѣтника. Отъ университетской скамьи и до сего времени дружескія отношенія наши не прерывались. Объ немъ мнѣ придется еще говорить, когда соберусь излагать отрывки моей жизни. Я остался также въ хорошихъ отношеніяхъ съ Давыдовымъ, Тимковскимъ и Смирновымъ. Первый впослѣдствіи съ честью занималъ профессорскія каѳедры по разнымъ отраслямъ наукъ, издалъ нѣкоторыя руководства по части философіи, написанные чистымъ русскимъ языкомъ. Второй ударился въ дипломатію, сопровождалъ миссію въ Китай и напечаталъ книгу о Китаѣ гораздо прежде отца Іоакинфа. Третій въ Отечественную войну 1812 года бродилъ съ арміею, находясь при знаменитомъ атаманѣ войска Донскаго графѣ Платовѣ, котораго онъ написалъ біографію. Какъ пріятно, проходя по разнымъ путямъ государственнаго управленія, въ разныхъ краяхъ обширной матушки Россіи сойтись по-временамъ и скрѣпить школьную связь, основанную на безкорыстныхъ видахъ.

Забавное и печальное событіе увѣнчало окончаніе моего университетскаго курса. Я чуть было не попалъ въ карцеръ, не бывъ наказанъ ни разу во все пребываніе мое въ гимназіи и университетѣ. Не помню, изъ какой книги перевелъ я отрывокъ: «Путешествіе Гераклита и Демокрита по Персіи». Гераклитъ жалобно оплакивалъ, а Демокритъ остроумно осмѣивалъ слабости и пороки людскіе, особенно пышность и роскошь персидскихъ царей. Путешествіе это читалъ я нѣкоторымъ моимъ товарищамъ; они находили его занимательнымъ. Я рѣшился его напечатать, представилъ въ цензуру, выставя подъ заглавіемъ эпиграфъ изъ Вольтера:

Censeurs malins! Je vous meprise tous,
Car je connais mes défauts mieux que vous.

Этотъ переводъ достался на просмотръ профессору Снигиреву, отцу извѣстнаго нынѣ археолога И. М. Снигирева, бывшаго моего университетскаго сотоварища и хорошаго пріятеля. Онъ предварилъ меня, что отецъ его весьма гнѣвается за мою дерзость, что я, представляя на судъ рукопись, тутъ же ругаю цензоровъ; а потому онъ хочетъ представить конференціи, чтобы запереть меня въ карцеръ. Тотчасъ я отправился къ старику съ объясненіемъ, но не могъ убѣдить, что и Вольтеръ, и я разумѣли не цензоровъ, а критиковъ; не могъ также умилостивить смиреніемъ и покорностію. Только заступленію профессоровъ Страхова и Сохацкаго, имѣвшихъ большой вѣсъ въ университетѣ, обязанъ я избавленіемъ отъ наказанія; а переводъ не былъ пропущенъ къ на-

печатанію и остался въ цензурѣ. Я очень радъ былъ, что отдѣлался этою жертвою.

Я слушалъ лекціи въ самую блистательную эпоху Московскаго университета. Наполеонъ громилъ Германію; робкіе жрецы музъ спѣшили укрыться отъ военныхъ бурь и насилій, съ ними сопряженныхъ въ древней столицѣ русскаго царства. Такимъ образомъ къ достойнымъ профессорамъ нашимъ присоединились европейскіе знаменитости; было кого послушать: Маттей читалъ латинскую словесность, Буле—исторію философіи, Рейнгардъ—практическую философію, Баузе—римское право, Шлецеръ—политическую экономію. Я упомянулъ только о тѣхъ, которыхъ лекціи наиболѣе меня занимали; къ нимъ присовокуплю изъ русскихъ: Страхова, преподававшаго физику, и Сохацкаго, преподававшаго эстетику.

Метода преобладала нѣмецкая: профессоръ читалъ, но не обращалъ вниманія на слушателей, которыхъ онъ и знать не хотѣлъ. Этому правилу не слѣдовали однако Маттей и Рейнгардъ. Первый установилъ, чтобы предъ каждою лекціею одинъ изъ студентовъ, по-очереди, приходилъ къ нему возвѣстить: domine professor! tempus est eundi in classem. Онъ собирался медленно, шелъ тихимъ шагомъ вмѣстѣ съ студентомъ, разговаривая по-латыни; этимъ способомъ онъ зналъ степень познанія каждаго своего слушателя.

Рейнгардъ избралъ другую мѣру: по прочтеніи главы, онъ приказывалъ студентамъ написать краткій обзоръ ими слышаннаго. Обзоръ надобно было принесть къ нему домой; тамъ онъ читалъ, дѣлалъ словесныя замѣчанія и разсуждалъ съ студентомъ. Этотъ способъ испытанія не понравился многимъ слушателямъ, такъ что съ перваго разу аудиторія его почти опустѣла, зато оставшіеся еще тѣснѣе сблизились съ профессоромъ.

Лучше всѣхъ изъяснялись гг. Страховъ, Мерзляковъ и Сандуновъ, превзошедшій всѣхъ прочихъ своею методою. Преподавая практическое россійское законоискусство, онъ поступилъ такимъ образомъ: учредилъ въ своемъ классѣ примѣрныя судебныя мѣста, какъ-то: земскій и уѣздные суда, уголовную и гражданскую палаты и губернское правленіе. Суда сіи наполнилъ изъ своихъ слушателей, коихъ считалось слишкомъ сто человѣкъ, всѣми положенными членами и чиновниками; выбраны были также стряпчіе, прокуроры и по роду дѣлъ просители, а остальные затѣмъ были зрителями, какъ въ англійскихъ парламентахъ и участвовали только въ общихъ сужденіяхъ, или заступали мѣста товарищей за продолжительною болѣзнію, или за выбытіемъ ихъ изъ класса. Профессоръ, испросивъ изъ Сената нѣсколько рѣшенныхъ дѣлъ разнаго рода, приказалъ въ классѣ своемъ начать ихъ вновь производствомъ съ нисшихъ инстанцій. Такимъ образомъ подавалось узаконен-

нымъ порядкомъ прошеніе, производилось слѣдствіе, поступало оное изъ земскаго въ уѣздный судъ и потомъ на ревизію въ какую либо палату, смотря по роду дѣла. Каждое засѣданіе начиналось общими сужденіями о правахъ и законахъ и одинъ изъ слушателей долженъ былъ вести по очереди журналъ, который предъ всѣми читался въ слѣдующее собраніе. Потомъ профессоръ подходилъ къ какому либо столу, у коего помѣщался судъ или палата, и требовалъ отъ членовъ и секретаря объясненій, по производившемуся дѣлу.

Такое преподаваніе похоже было на театръ для слушателей; оно было весьма любопытно и полезно, каждый изъ нихъ или самъ участвовалъ въ семъ представленіи, или былъ зрителемъ; общія же разсужденія касались всѣхъ вообще. Словесное изъясненіе болѣе удерживается въ памяти, чѣмъ уединенное чтеніе книгъ; у насъ не было почти ни одного, который бы не могъ объяснить все имъ слышанное въ теченіе курса. Когда доложили профессору о приближеніи экзаменовъ и спросили, что онъ прикажетъ приготовить къ нимъ?

— Ничего, батинки, отвѣчалъ онъ, по любимой имъ поговоркѣ, вы будете говорить все, что слышали и дѣлали,—и ожиданіе его съ чрезвычайнымъ успѣхомъ исполнилось.

Бывши студентомъ, я жилъ въ Москвѣ съ доброю моею матерью, любившею меня чрезвычайно. Она предоставила собственной моей волѣ пользоваться всѣми удовольствіями и ни мало не сомнѣвалась въ зазорномъ моемъ поведеніи, нисколько за онымъ не наблюдала. Я могъ отлучаться изъ дому когда мнѣ вздумается, пробыть гдѣ нибудь — сколько мнѣ угодно, никому не отдавая въ томъ отчета. Но несмотря на такую свободу, я велъ себя чрезвычайно осторожно и не употребилъ никогда во зло довѣренности моей родительницы; за мною незамѣчено ни одного чернаго поступка, которымъ можно было упрекнуть меня.

Одно только во мнѣ могло заслуживать нареканіе,—это осужденіе чужихъ поступковъ, или просто—пересуды. По врожденной склонности наблюдать за всѣмъ вокругъ себя я не могъ пропустить мимо глазъ чего либо смѣшнаго или даже предосудительнаго. Къ сему я болѣе пріучился отъ безпрерывнаго обращенія съ мамушками и нянюшками, которыя по склонности, общей всѣмъ женщинамъ, не оставляли ничего безъ своихъ замѣчаній. Да какъ и не сказать чего нибудь, при видѣ охмѣлѣвшаго старичка, бранчивой жены, миганья глазокъ хитрой дѣвушки, смѣтливаго юноши и прочее и прочее. Слушая безпрестанно такія разговоры, по неволѣ привыкнешь самъ, въ свою очередь, то же повторять.

Юность моя текла беззаботно и весело; я слушалъ лекціи профессоровъ, давалъ самъ уроки малолѣтнимъ и веселился съ товарищами. Тогда (въ 1804 г.) забавы наши совершенно различествовали съ нынѣшними школьниками: мы никогда не пускались въ сужденія о правительствѣ,

не опорочивали законоположеній, не отклонялись отъ власти начальства, и не занимались глупыми замыслами. Всякій изъ насъ сознавался въ душѣ своей, что умъ нашъ тогда еще не созрѣлъ, способности не вполнѣ развернулись, опытностью нисколько не воспользовались. Мы слушали съ полною довѣренностію наставниковъ и находили удовольствіе въ простыхъ забавахъ; наше дѣло было побѣгать, попрыгать, подурачиться, не занимаясь утѣхами, не приличными нашему возрасту.

Будучи молодъ и живаго характера, я любилъ позабавиться надъ другими, ни мало не думая оскорбить ихъ, а такъ, чтобы они и сами посмѣялись. Проказы мои простирались однакоже только на низшихъ меня или иногда и на близкихъ товарищей; но никогда я не смѣлъ шутить надъ старшими или чуждыми для меня.

Съ товарищами своими я жилъ весьма дружно по сходству одинаковыхъ нашихъ мыслей и чувствованій: изъ насъ никого не было, кто бы наговаривалъ на другого небылицы, наушничалъ старшимъ, обманывалъ своихъ товарищей и желалъ бы возвыситься надъ ними; обманщикъ—самая большая была брань между нами. Не могу и теперь безъ вздоха вспомнить о золотомъ для меня времени, когда, не знавъ еще страстей, предавался беззаботно истиннымъ наслажденіямъ счастливой жизни. Живо и теперь еще представляется въ воображеніи моемъ, такъ называемыя тогда нами, пированія, когда мы, сдѣлавъ складчину по 10 и не болѣе 20 копѣекъ мѣдью съ брата, отправлялись на Воробьевы горы, Марьину рощу или въ Сокольники гулять. Захвативъ съ собою московскихъ калачей или саекъ и прибавивъ къ тому яблокъ и орѣховъ, мы отправлялись пѣшкомъ въ путь. Погулявши, побѣгавши, порѣзвившись—мы заходили въ какую нибудь деревню и тамъ, купивъ крынку молока, раздѣляли съ особеннымъ аппетитомъ роскошную нашу трапезу. Зимою же по вечерамъ, надобно прибавить—въ праздничные дни, собирались къ кому либо изъ товарищей, и тутъ-то за чашками простаго чая съ булками начнется ученая бесѣда, между коей разсказываются любопытные анекдоты и льются рѣкою острыя слова. Въ другое время любили также посѣщать и театръ, но не для того, чтобы показать себя, чего нельзя было и сдѣлать, сидя въ райкѣ, а истинно заняться піесою, которыя посѣщали по выбору.

Въ наше время въ учебныхъ заведеніяхъ не было, какъ нынѣ, по десяти смотрителей на воспитанника, не осматривали ихъ ночью по нѣсколько разъ, не запирали на замокъ дверей, не шарили по ящикамъ, и все шло своимъ порядкомъ. Мы учились, какъ должно, шалили, какъ можно, а о прочемъ—ни о чемъ болѣе и не думали.

Сообщ. **Н. А. Боровковъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Александръ Дмитріевичъ Боровковъ

и его

АВТОБІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.

VII [1]).

Служба въ Государственномъ Совѣтѣ. Князь Кочубей.—Князь А. Н. Голицынъ.—Графъ Мордвиновъ.—Князь А. Б. Куракинъ.—М. М. Сперанскій.—Государственный секретарь Марченко.—Участіе А. Д. Боровкова въ разныхъ комитетахъ.—Составленіе Свода Военныхъ Постановленій.—Благодарность государя.—Графъ Н. Н. Новосильцевъ.—Назначеніе А. Боровкова сенаторомъ.—Юрьевскій архимандритъ Фотій.

Въ 1827 году, 15-го іюня, объявлено высочайшее повелѣніе вступить мнѣ на службу по Государственному Совѣту. Графъ Татищевъ съ примѣтнымъ неудовольствіемъ объявилъ мнѣ объ этомъ, грустно дополнивъ:

— Такъ, милый мой! ты оставляешь меня старика въ такое критическое для меня время.

Тогда заведена была противъ него гнусная интрига, о которой разскажу впослѣдствіи. Я объяснилъ графу, что это назначеніе сдѣлано безъ моего вѣдома, что я не только не искалъ, но и не помышлялъ никогда разставаться съ нимъ; все это я говорилъ по сущей справедливости. Графъ Татищевъ, увѣренный въ моей искренности, засуетился, захлопоталъ и настоялъ, чтобы сверхъ занятій по Государственному Совѣту оставить меня попрежнему и при военномъ министрѣ.

Торжественно вступилъ я въ собраніе Государственнаго Совѣта; тамъ

---

[1]) См. „Русск. Стар.“, ноябрь, 1898 г.

*

благосклонно привѣтствовали меня князь В. П. Кочубей, князь А. Н. Голицынъ, графъ Н. С. Мордвиновъ, князь А. Б. Куракинъ, графъ М. М. Сперанскій [1]) и большая часть членовъ, знавшихъ меня лично.

Вотъ случаи, доставившіе мнѣ личное знакомство съ этими знаменитыми сановниками:

Князь Кочубей зналъ меня по Своду о состояніи Россіи въ царствованіе Александра, составленному мною по повелѣнію императора Николая изъ показаній членовъ злоумышленныхъ обществъ. Послѣ него я видѣлъ трехъ предсѣдателей Государственнаго Совѣта; но ни одинъ изъ нихъ не равнялся съ нимъ на столь важномъ посту государственнаго управленія. Онъ былъ уменъ, опытенъ, проницателенъ; бѣгло обнималъ дѣла и особенно искусенъ былъ постановлять вопросы ясно и опредѣлительно, ловко схватывая въ дѣлѣ точки, отъ которыхъ зависитъ рѣшеніе.

Съ княземъ А. Н. Голицынымъ работалъ я будучи правителемъ дѣлъ слѣдственной коммиссіи о злоумышленныхъ обществахъ. Онъ всегда отзывался о мнѣ съ похвалою. Добрый, благородный, набожный, онъ весьма хорошо зналъ придворную грамоту, былъ другомъ императора Александра, пользовался благоволеніемъ императора Николая и всѣхъ членовъ императорской фамиліи; во все пребываніе мое въ Совѣтѣ я не слыхалъ, чтобы онъ вступалъ въ пренія, ограничиваясь всегда простымъ присоединеніемъ своего голоса къ какой-нибудь изъ спорящихъ сторонъ.

Въ правленіи представительномъ графъ Мордвиновъ сдѣлался бы знаменитымъ ораторомъ: мнѣнія его и на словахъ, и на письмѣ рѣзки, смѣлы и убѣдительны; многіе изъ нихъ, несмотря на строгую тайну дѣлопроизводства въ Государственномъ Совѣтѣ, ходили по рукамъ. При дворѣ уважали его, какъ умнаго, образованнаго, дѣльнаго сановника и въ важныхъ государственныхъ вопросахъ съ нимъ совѣтывались; но не любили, потому что онъ не любилъ изгибаться. Помнится, во все царствованіе Александра онъ ничѣмъ не былъ награжденъ; уже императоръ Николай пожаловалъ ему орденъ св. Андрея. Вотъ какъ трудно идти прямою дорогою!

Графъ Мордвиновъ сблизился со мною по слѣдующему случаю: въ продолженіе интриги противъ графа Татищева, я написалъ отъ него оправдательное письмо государю императору. Прежде отсылки къ его величеству, графъ Татищевъ послалъ меня прочесть это письмо графу Мордвинову. Терпѣливо и внимательно выслушалъ онъ длинное посланіе, объяснявшее и заслуги Татищева, особенно въ Отечественную войну

---

[1]) Кочубей тогда не былъ еще княземъ, а Сперанскій графомъ; но я выставляю титулы того времени, когда пишу очеркъ; иначе попадобилось бы часто дѣлать оговорки.

1812 года, когда онъ былъ генералъ-кригскомиссаромъ, и несправедливые на него навѣты. Выслушавъ, графъ Мордвиновъ сказалъ:

— Хорошо! Очень хорошо! Доложите Александру Ивановичу, что несмотря на всѣ пакости его противниковъ, это письмо произведетъ благопріятное впечатлѣніе на государя.

Лестно мнѣ было слышать изъ устъ просвѣщеннаго и славящагося умомъ вельможи похвалу моей работѣ; во я чуть не прыгнулъ отъ восторга, когда откланиваясь онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и сказалъ:

— Александръ Ивановичъ часто мнѣ говорилъ о васъ съ похвалою; теперь я лично убѣдился въ вашихъ достоинствахъ; прошу быть со мною знакомымъ по пріятельски и чаще бывать у меня; во всякое время я радъ съ вами бесѣдовать; всякій день я обѣдаю дома.

При первомъ входѣ моемъ въ присутствіе Государственнаго Совѣта графъ Мордвиновъ громко произнесъ:

— Государь пожаловалъ намъ сотрудника умнаго, дѣльнаго и благороднаго.

Подъ послѣднимъ эпитетомъ графъ Мордвиновъ разумѣлъ преданность мою къ графу Татищеву, который изъ толпы чиновной поставилъ меня на видное поприще, и отъ котораго, при его упадкѣ, не могли отторгнуть меня враги его никакими обѣщаніями.

Съ княземъ А. Б. Куракинымъ встрѣтился я въ первый разъ при гробѣ государыни императрицы Елизаветы Алексѣевны, стоявшемъ въ Чесменскомъ дворцѣ, обращенномъ нынѣ въ военную богадѣльню. Я отправился туда поклониться праху этой великодушной государыни, взыскавшей меня своею милостью за слабый литературный трудъ: объ этомъ я упомянулъ выше. Въ залѣ, гдѣ поставленъ гробъ, находились только дежурные придворные чины обоего пола и нѣсколько знатнѣйшихъ особъ, прибывшихъ на поклоненіе. Благоговѣйно преклонивъ колѣна передъ прахомъ усопшей, я отошелъ къ стѣнѣ и очутился лицомъ къ лицу съ княземъ Куракинымъ.

— Я радъ съ вами встрѣтиться,—громко сказалъ онъ;—ваши записки о несчастныхъ заговорщикахъ, которыя читалъ я въ Верховномъ Уголовномъ Судѣ, дали мнѣ высокое понятіе о вашихъ способностяхъ; ваши изложенія ясны, кратки, но полны такъ, что нельзя ничего ни прибавить, ни убавить.

Наконецъ онъ пожалъ мнѣ руку и пригласилъ посѣщать его. Такъ вельможи вѣка Екатерины II умѣли выдвигать дарованіе! Сколько достойныхъ дѣятелей вывели они изъ ничтожества на высокую степень служебнаго поприща! Они не соперничали съ своими подчиненными, не держали ихъ подъ спудомъ, но пользовались случаемъ проявить гласно ихъ способности. Такимъ средствомъ выдвинуты изъ среды тружениковъ Безбородко, Трощинскій, Завадовскій и др. Нынѣ не такъ: министры

все дѣльное, все хорошее присвоиваютъ себѣ; они боятся оглашать даровитыхъ своихъ подчиненныхъ; оттого на высотѣ государственнаго управленія возсѣдаетъ посредственность.

Съ графомъ М. М. Сперанскимъ я встрѣчался часто на обѣдахъ у графа Татищева. Классическое образованіе, геній, огромная начитанность и разносторонняя дѣятельность поставили его, подобно Цицерону, изъ плебеевъ въ среду патриціевъ. Со скамьи семинаріи онъ пересѣлъ на почетное кресло въ Государственномъ Совѣтѣ; онъ подарилъ Россіи Сводъ Законовъ и лишилъ ябеду гибельнаго орудія затмевать истину разрозненными, иногда и противорѣчащими указами. Графа Сперанскаго надобно считать отцемъ нашего дѣлового слога, который теперь, безъ преувеличенія можно сказать, лучше и чище литературнаго. Сперанскій войдетъ въ исторію царства Русскаго, какъ Трибодіанъ вошелъ въ исторію римско-восточной имперіи.

Встрѣченный радушно столь знаменитыми сановниками, я ожидалъ, что служба моя по Государственному Совѣту будетъ для меня благопріятна—и не ошибся, тѣмъ болѣе, что государственный секретарь Марченко былъ старинный мой пріятель. Въ противоположность графу Сперанскому, Марченко безъ всякаго образованія, силою ума своего и трудолюбія, также изъ плебеевъ добрался до кресла члена Государственнаго Совѣта. Не красно писалъ онъ, но дѣльно, толково, опредѣлительно и столь ясно, какъ ясна прекрасная душа его. При всемъ умѣ его, онъ не могъ, подобно Сперанскому, блистать въ кругу аристократіи: онъ не зналъ французскаго языка, а тамъ это большой недостатокъ; оттого знакомство его составляли люди умные, дѣльные, но не аристократы, съ которыми онъ размѣнивался только визитами.

Осмотрѣвшись въ Государственномъ Совѣтѣ, мое первое желаніе было перевесть туда друга моего Никитина, который служилъ тогда совѣтникомъ въ С.-Петербургской Казенной Палатѣ. Мнѣ вѣрили, что я ходатайствую за чиновника, достойнаго во всѣхъ отношеніяхъ, но самое мѣсто служенія его поставляли препятствіемъ къ переводу, забывая пословицу, что не мѣсто человѣка, а человѣкъ мѣсто краситъ. Наконецъ усилія мои увѣнчались успѣхомъ: рѣшили такъ, чтобы Никитинъ вышелъ изъ Палаты въ отставку и потомъ его опредѣлили въ Совѣтъ экспедиторомъ. Сущая комедія! Для чего такая продѣлка! Едва Никитинъ принялся за дѣло, тотчасъ увидѣли способность и знанія его и стали возвышать быстро.

Сверхъ занятій моихъ по должности статсъ-секретаря военнаго департамента, на меня возлагались многія порученія, весьма важныя. Упомяну о нѣкоторыхъ:

Лѣтомъ 1828 года государь императоръ, отправляясь въ Турецкую кампанію, составилъ комитетъ, уполномоченный по военнымъ дѣламъ

разрѣшать все высочайшею властью, не представляя предварительно на утвержденіе его величества. Предсѣдателемъ этого комитета былъ графъ П. А. Толстой, членами—графъ Оперманъ, графъ Голенищевъ-Кутузовъ и генералъ-отъ-инфантеріи Сукинъ, а дѣлопроизводство возложено на меня. Графъ Толстой честный, прямой, добрый, но до крайности безпечный и гордый, олицетворенный русскій баринъ, не любилъ углубляться въ дѣла; члены, занятые управленіемъ ввѣренныхъ имъ частей, не имѣли досуга вникать во всѣ подробности моихъ докладовъ, и такимъ образомъ рѣшенія большею частью зависили отъ меня. Вверху это было извѣстно. Вотъ примѣръ: однажды князь Кочубей призвалъ меня и просилъ защитить капитанъ-лейтенанта Домогацкаго, сужденнаго за то, что посадилъ на мель фрегатъ, отправленный въ Ревель съ экипажемъ Кочубея. Князь съ чувствомъ сказалъ:

— Мнѣ было бы непріятно, если-бы кто пострадалъ за меня. Когда бы государь былъ здѣсь, я лично бы умолялъ его о помилованіи.

— Употреблю всѣ мои силы,— скромно отвѣчалъ я,—сдѣлать угодное вашему сіятельству, но рѣшеніе зависитъ отъ графа Петра Александровича.

На устахъ князя мелькнула улыбка. Конечно, такой вѣсъ лестенъ былъ для моего самолюбія; но онъ ставилъ меня въ затруднительное столкновеніе съ княземъ А. И. Чернышевымъ, который управлялъ тогда военнымъ министерствомъ и при которомъ состоялъ я по особымъ порученіямъ. Если комитетъ не утверждалъ какого-либо его представленія, то онъ относилъ это ко мнѣ и сѣтовалъ на меня. Послѣдствіемъ было то, что государь по возвращеніи изъ арміи остался доволенъ всѣми разрѣшеніями комитета, объявившаго 498 высочайшихъ повелѣній; но ни я, ни сотрудники мои не награждены, хотя труда было очень много, потому что при мнѣ работали только два чиновника. Въ комитетъ такой важности, дѣйствовавшій отъ лица императора, нельзя было набирать толпы даже для переписки; иначе все сдѣлалось бы гласнымъ. Въ утѣшеніе графъ Толстой сказалъ мнѣ:

— Государь очень доволенъ меморіями, которыя ты посылалъ о нашихъ засѣданіяхъ; это, братъ, высшая награда!

Правда, его величество лично на выходѣ изъявилъ мнѣ свое благоволеніе за эту работу, но она не проявлена всенародно, слѣдовательно и погрузилось въ пучину неизвѣстности.

Въ 1832 году, 2-го апрѣля, составленъ комитетъ для разсмотрѣнія проекта карантиннаго устава, подъ предсѣдательствомъ графа Строганова. Членами назначены генералы: Ермоловъ и Балашовъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Энгель и тайный совѣтникъ Блудовъ; а производство дѣлъ, по высочайшей волѣ, возложено на меня. Комитетъ собирался во дворцѣ вечеромъ почти каждый день. Странно мнѣ казалось, что

А. П. Ермоловъ, извѣстный своимъ умомъ, и А. Д. Балашовъ, бывшій министръ полиціи и посыланный императоромъ Александромъ для переговоровъ съ Наполеономъ, предъ вступленіемъ его въ границы Россіи, весьма мало принимали участія въ сужденіяхъ. Напротивъ, Блудовъ говорилъ много, общими мѣстами, но ораторство его не доставляло ни одной идеи, которая пригодилась бы для моей работы. Предсѣдатель графъ Строгановъ помогъ мнѣ не словами, а средствами: онъ далъ мнѣ много брошюръ о карантинахъ на французскомъ и англійскомъ языкахъ, а Энгель, бывшій докторомъ медицины, просвѣщалъ меня въ моихъ недоумѣніяхъ только у себя на дому, а не въ собраніяхъ комитета, гдѣ онъ также безмолвствовалъ. Онъ присовѣтовалъ мнѣ не докладывать комитету предположеній моихъ объ исправленіяхъ и передѣлкахъ въ Уставѣ, а прямо вносить въ журналъ тѣ перемѣны, которыя я признаю нужными сдѣлать.

— Этимъ путемъ устраняются пустые толки,—дополнилъ опытный старикъ, долго занимавшій постъ статсъ-секретаря въ департаментѣ экономіи.

Я послѣдовалъ его наставленію; работа пошла успѣшно и засѣданія оканчивались скорѣе—готовое выслушать легко! Притихъ и мой Блудовъ: я не доставлялъ пищи для его разсужденій. Наградою трудовъ моихъ по этому комитету былъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Проектъ положенія Войска Донскаго высочайше повелѣно разсмотрѣть въ соединенныхъ департаментахъ Государственнаго Совѣта: военномъ, законовъ и экономіи съ тѣмъ, чтобы заключеніе, не внося въ общее собраніе, было представлено прямо государю императору. Производство этого дѣла возложено на меня. Здѣсь опять вошелъ я въ столкновеніе съ княземъ Чернышевымъ, потому что проектъ составленъ подъ непосредственнымъ его распоряженіемъ. Наученный опытомъ, какъ опасно касаться самолюбія автора столь могучаго, я принялъ другой образъ дѣйствія, нежели въ комитетѣ 1828 года. Всѣ замѣчанія мои я прочитывалъ предварительно моимъ пріятелямъ статсъ-секретарямъ Позену и Брискорну, которые были двѣ руки князя, имѣвшаго къ нимъ полное довѣріе. Они подготовляли князя; онъ выслушивалъ меня благосклонно и соглашался на предлагаемыя мною передѣлки. Такимъ образомъ я докладывалъ соединеннымъ департаментамъ каждую главу, уже исправленную, и все шло гладко, безъ запинокъ. Одно только слово не согласился князь измѣнить по моему замѣчанію, и это слово вызвало неудовольствіе государя. Въ проектѣ было сказано Войсковое Донское Правительство, я хотѣлъ вмѣсто Правительство поставить Правленіе, но князь не соглашался, доказывал, что казаки примутъ это за нарушеніе ихъ правъ, подумаютъ, что земля Войска Донскаго обращается въ губернію. Когда положеніе Войска Донскаго представлено

было на конференцію, государь, повидимому, съ неудовольствіемъ подчеркнулъ карандашемъ «Правительство» и написалъ: Правительство—Я. Князь Кочубей, отдавая мнѣ положеніе съ этою отмѣткою, сказалъ:

— Какъ это, при вашей осмотрительности, вы пропустили такое важное слово?

— Есть у насъ,—отвѣчалъ я смиренно,—Грузинское Верховное Правительство, почему же не быть Донскому.

Князь улыбнулся, онъ зналъ о моемъ замѣчаніи, о которомъ я сообщилъ графу Сперанскому, чтобы онъ отъ себя высказалъ его въ засѣданіи, но онъ тамъ и не пикнулъ, вѣроятно не хотѣлъ входить въ противорѣчіе съ княземъ Чернышевымъ. Скажу мимоходомъ: постъ статсъ-секретарей Государственнаго Совѣта весьма щекотливъ; на нихъ упадаетъ неблагопріятный отзывъ государя, а члены всегда въ сторонѣ и хладнокровно умываютъ руки.

Въ 1833 году назначенъ я предсѣдателемъ комитета, высочайше учрежденнаго для повѣрки и передѣлки Свода Военныхъ Постановленій. Здѣсь мнѣ предстояло работать подъ наблюденіемъ графа Сперанскаго, что весьма сблизило меня съ нимъ. Когда, по назначеніи, явился я къ нему за приказаніями, онъ напомнилъ мнѣ:

— Вотъ вы не отдѣлались отъ меня; пять лѣтъ тому назадъ я приглашалъ васъ для составленія Военнаго Свода; вы отказались, а онъ не миновалъ вашихъ рукъ. Впрочемъ, скажу откровенно, я въ назначеніи вашемъ не участвовалъ. Васъ представилъ государю князь Чернышевъ, а государь сказалъ мнѣ, когда уже состоялось высочайшее повелѣніе: я назначилъ тебѣ въ сотрудники по военнымъ законамъ Боровкова; онъ человѣкъ дѣльный, надѣюсь ты будешь имъ доволенъ.

Я напомнилъ графу Сперанскому о причинахъ, побудившихъ меня тогда отказаться отъ его предложенія, присовокупивъ:

— Лучше теперь марать и передѣлывать собранное, нежели тогда рыться въ сырыхъ матеріалахъ и стряхивать архивную пыль.

— Увидимъ,—возразилъ графъ,—часто скучнѣе и труднѣе передѣлывать, нежели составлять самому.

Пять лѣтъ усиленной, тяжкой работы моей по Своду Военныхъ Постановленій вполнѣ оправдали мнѣніе графа Сперанскаго.

Однажды я доложилъ ему о необходимости совершенно измѣнить военносудную часть Свода. Тамъ встрѣтились странныя противоположности: судъ первой степени обязанъ былъ руководствоваться воинскими процессами, въ которыхъ и за малыя преступленія опредѣлены жестокія наказанія, а высшій судъ, придерживаясь существующихъ законовъ, вынужденъ былъ эти наказанія замѣнять ничтожнымъ оштрафованіемъ, даже выговоромъ или однимъ замѣчаніемъ. Отъ сего рѣшенія суда первой степени представлялись шуткою, игрушкою; отъ сего разрушалось

въ войскѣ уваженіе къ военнымъ судамъ. Надобно сочетать такъ, чтобы и низшія и высшія власти руководствовались одними законами. Первая степень есть судъ, опредѣляющій наказаніе, которое должно быть не мечтательное, а дѣйствительное; вторая степень есть ревизія суда, обязанная провѣрить правильность судопроизводства и приговора.

Графъ Сперанскій возразилъ:

— Государь не согласится на такую передѣлку; она уничтожила бы воинскій уставъ Петра Великаго, передъ которымъ онъ благоговѣетъ.

— Нечего уничтожать, — замѣтилъ я, — уставъ воинскій не существуетъ въ приложеніи къ практикѣ съ царствованія Елизаветы, отмѣнившей смертную казнь. Конечно, уставъ этотъ былъ необходимъ въ то время, когда наше регулярное войско едва только образовывалось изъ нестройной толпы буйныхъ стрѣльцовъ; но теперь, когда порядку, устройству, дисциплинѣ и нравственности нашихъ воиновъ удивляются Европа и Азія, опредѣленіе жестокихъ наказаній было бы анахронизмомъ.

— Вы правы. Я раздѣляю ваше мнѣніе; доказательство вы найдете въ производствѣ Военнаго Свода: я представлялъ уже объ этомъ государю; но Чернышевъ объявилъ мнѣ высочайшую волю—держаться строго устава Петра I.

— Позвольте замѣтить: вамъ не разъ доставалось отстаивать свои мнѣнія при покойномъ императорѣ.

— Altera tempora altera mores, мой любезнѣйшій. Всѣмъ извѣстно, какъ горько я расплатился за мою настойчивость и правду. Но тогда я былъ молодъ, императоръ Александръ благосклонностію своею возбуждалъ во мнѣ смѣлость; теперь я старъ и не въ силахъ выдержать другого испытанія, подобнаго тому, какое со мною случилось. Изложите ваше мнѣніе, представьте его Чернышеву, онъ вѣрно перешлетъ его ко мнѣ; я соглашусь съ вами; такъ и доложите государю.

Я такъ и сдѣлалъ. Записка моя о передѣлкѣ IV части Свода Военныхъ постановленій, представленная князю Чернышеву 12-го октября 1839 года, была слѣдующаго содержанія:

«Предсѣдатель комитета, высочайше утвержденнаго для провѣрки и исправленія Свода Военныхъ Постановленій, разсматривая четвертую часть сего Свода, содержащую уставъ военно-уголовный, счелъ нужнымъ, прежде окончательнаго заключенія своего о степени удовлетворительности плана и полноты статей, обратиться къ системѣ, принятой редакціею при составленіи сей части Свода.

«Редакція, обозрѣвая военно-уголовныя постановленія, нашла, что нѣкоторыя наказанія, опредѣленныя воинскими артикулами Петра Великаго, вышедъ совершенно изъ употребленія, прямо неотмѣнены поста-

новленіями послѣдовавшими, а потому до сего времени приводятся въ приговорахъ военно-судныхъ коммиссій, и что многія наказанія по тѣмъ же артикуламъ, хотя употребительныя по ихъ роду, прилагаются уже не во всѣхъ прежнихъ видахъ и не въ тѣхъ случаяхъ, къ коимъ они прежде относились, не въ прежней мѣрѣ, и, наконецъ, не ко всѣмъ тѣмъ лицамъ, кои онымъ подвергались.

«Вслѣдствіе сего редакція Свода предполагала наказанія, хотя не отмѣненныя формально, но не употребительныя, въ Сводъ не вводить, какъ потерявшія силу и потому, что въ Сводѣ приводятся одни постановленія дѣйствующія; наказанія же, хотя употребительныя по ихъ роду, но коихъ приложеніе измѣнилось, изложить такъ, какъ они дѣйствительно нынѣ прилагаются.

« Предположеніе сіе дѣйствительный тайный совѣтникъ Сперанскій всеподданнѣйше докладывалъ государю императору, и его величество, принявъ въ уваженіе, что Сводъ, не вводя ничего новаго, долженъ быть изображеніемъ законовъ въ настоящемъ, нынѣ дѣйствующемъ ихъ приложеніи, съ отмѣною всего, что уже вышло изъ употребленія, высочайше повелѣть соизволилъ разсмотрѣть сей предметъ въ особомъ комитетѣ.

«Прежде приведенія въ исполненіе таковой высочайшей воли, г. военный министръ вошелъ съ особымъ по сему предмету всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ которомъ объяснилъ, что несовершенство военно-уголовныхъ законовъ нашихъ заключается главнѣйшее въ неточномъ опредѣленіи степени преступленій или границы между преступленіями и проступками. Недостатокъ сей отчасти отвращается разнообразностію наказаній, узаконенныхъ воинскими артикулами. Сообразно съ ними признаются тягчайшими преступленіями тѣ, за кои опредѣлены тягчайшіе виды наказанія, и такимъ образомъ рѣшаются всѣ военно-судныя дѣла: въ военно-судныхъ коммиссіяхъ прямымъ примѣненіемъ законнаго наказанія къ преступленію; въ высшихъ ревизіонныхъ инстанціяхъ, смягченіемъ приговора сообразно съ бо́льшею или меньшею суровостію наказанія, закономъ опредѣленнаго.

«Въ порядкѣ военнаго судопроизводства наказанія, установленныя кореннымъ закономъ, безъ большихъ неудобствъ, не могутъ быть замѣнены въ Сводѣ военно-уголовныхъ законовъ наказаніями, нынѣ употребительными; ибо сіи послѣднія прилагаются къ преступленіямъ, не по закону положительному, но по произвольному его убѣжденію о степени вины подсудимаго, къ чему, какъ выше сказано, ведутъ его тѣ же самые коренные законы.

«Его сіятельство, убѣждаясь въ необходимости скорѣйшаго изданія новаго полнаго военно-уголовнаго уложенія, объемлющаго всѣ части военнаго судопроизводства, и предполагая трудъ сей поручить особой

коммиссіи, матеріаломъ которой долженъ служить Сводъ существующихъ нынѣ военно-уголовныхъ законовъ, полагалъ: разрѣшить редакціи Свода военныхъ постановленій вводить въ Сводъ всѣ коренные законы, какъ о преступленіяхъ, такъ и о наказаніяхъ, безъ всякаго измѣненія, дополняя всѣми общими государственными постановленіями, имѣющими прямое отношеніе къ военному судопроизводству.

«Впрочемъ, Сводъ сей не назначать для изданія въ свѣтъ и въ руководство военнымъ судамъ, такъ какъ съ изданіемъ новаго уложенія не можетъ уже быть въ оном никакой надобности.

«Государь императоръ, вслѣдствіе сего доклада, высочайше повелѣть соизволилъ: излагать въ Сводѣ наказанія въ двухъ видахъ: въ самой статьѣ Свода по закону, а на полѣ противу каждой статьи—по практикѣ и приговорамъ.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ его величество, имѣя въ виду, что Сводъ, по самому первоначальному предназначенію, долженъ прежде его напечатанія и изданія поступить въ особый комитетъ на ревизію, изволилъ повелѣть: при сей ревизіи рѣшить положительно: издавать ли его въ видѣ закона, или же принять токмо матеріаломъ къ новому уложенію.

«Редакція, приступивъ на семъ основаніи къ внесенію въ Сводъ постановленій о наказаніяхъ, встрѣтила большія затрудненія оттого, что важныя и многочисленныя измѣненія, происшедшія въ артикулахъ съ 1753 года, даютъ всему военно-уголовному законодательству другой видъ, такъ что сложить (соединить?) сіи два законодательства, по испытанію, оказалось невозможнымъ.

«Посему редакція предполагала, отдѣливъ судопроизводство низшихъ судовъ отъ судопроизводства высшихъ, для каждаго составить особое уложеніе, размѣстивъ всѣ сіи предметы въ двухъ раздѣлахъ: въ первомъ—означить наказанія, опредѣляемыя военно-судными коммиссіями; а во-второмъ—наказанія, опредѣляемыя высшими военными судами.

«Государь императоръ по всеподданнѣйшему о семъ докладу, одобривъ таковое предположеніе редакціи Свода Военныхъ Постановленій, высочайше повелѣть соизволилъ: при ревизіи Свода рѣшить окончательно: оставить ли оба раздѣла въ Сводѣ или, отмѣнивъ первый, сдѣлать второй раздѣлъ общимъ для всѣхъ судовъ и низшихъ и высшихъ.

«Такимъ образомъ, комитету, высочайше учрежденному для повѣрки Свода Военныхъ Постановленій, предлежитъ нынѣ разрѣшить два вопроса:

«Во-первыхъ, можно ли въ Сводѣ оставить наказанія въ двухъ видахъ: а) назначаемыя первою инстанціею военнаго суда, и б) опредѣляемыя окончательно при ревизіи военно-судныхъ дѣлъ, или удержать только одни дѣйствующія нынѣ узаконенія.

«Во-вторыхъ, издавать ли Сводъ военно-уголовныхъ законовъ

вмѣстѣ съ общимъ Сводомъ Военныхъ Постановленій, или же принять оный только матеріаломъ для составленія новаго военно-уголовнаго уложенія.

«Для разрѣшенія сихъ вопросовъ нужно предварительно обозрѣть настоящее состояніе военно-уголовнаго законодательства въ Россіи.

«Дѣйствующіе нынѣ военно-уголовные законы имѣютъ основаніемъ воинскіе артикулы императора Петра Великаго.

«Артикулы сіи, опредѣляя существо преступленій, назначали мѣру наказаній, коимъ подвергались военнослужащіе за сдѣланныя ими преступленія.

«Наказанія, воинскими артикулами установленныя, суть: 1) смертная казнь, которой виды были: четвертованіе, колесованіе, сожженіе, отсѣченіе главы, чему въ нѣкоторыхъ случаяхъ предшествовало прожженіе языка раскаленнымъ желѣзомъ, повѣшеніе и растрѣляніе; 2) лишеніе чести; 3) лишеніе собственности, т. е. конфискація, штрафы, вычеты изъ жалованья и т. п.; 4) лишеніе свободы и 5) тѣлесныя наказанія, къ коимъ относились: ношеніе оружія, содержаніе на хлѣбѣ и водѣ, посаженіе на деревянныхъ лошадей иословъ, хожденіе по деревяннымъ кольямъ, скованіе въ желѣза, отсѣченіе членовъ, шпицрутены и наказаніе кнутомъ.

«Симъ наказаніямъ подвергались всѣ вообще военнослужащіе безъ различія чиновъ, званій и состояній.

«Военнымъ судамъ вмѣнено было въ обязанность опредѣлять мѣру наказанія по мѣрѣ вины, сообразно обстоятельствамъ, увеличивающимъ или уменьшающимъ оную.

«Наказанія, воинскими артикулами установленныя, съ того времени существенно измѣнились. Смертная казнь за воинскія преступленія допускается только въ военное время, на основаніи полевого уголовнаго положенія, но въ мирное время, кромѣ нѣкоторыхъ случаевъ, по указамъ 1753 и 1754 годовъ, замѣнена другими наказаніями. Дворянство и состоянія, пользующіяся особенными правами, освобождены отъ тѣлеснаго наказанія, и первые сверхъ того и отъ конфискаціи имуществъ; въ каторжную работу повелѣно ссылать только за одни важнѣйшія преступленія; отмѣнено вырываніе ноздрей, а отсѣченіе членовъ, не существуя на дѣлѣ, едва удержалось въ памяти законовѣдовъ.

«Не взирая однако на всѣ сіи измѣненія въ наказаніяхъ, установленныхъ воинскими артикулами императора Петра Великаго, военно-судныя коммиссіи въ приговорахъ своихъ опредѣляютъ еще и нынѣ смертную казнь всѣхъ родовъ, а также и тѣлесныя наказанія лицамъ дворянскаго происхожденія. Приговоры сіи объявляются преступникамъ, твердо убѣжденнымъ, что наказанія, къ коимъ они присуждаются, не будутъ приведены въ исполненіе, а при дальнѣйшей ревизіи ихъ дѣлъ замѣ-

няется другими, не столь жестокими. Итакъ законъ, долженствующій опасеніемъ неминуемаго наказанія предотвращать совершеніе преступленія, не будучи приводимъ въ исполненіе и служа только одною формою угрозы, не только въ глазахъ преступника, но и всѣхъ вообще, теряетъ совершенно свою силу, ослабляетъ то вліяніе, которое онъ долженъ имѣть, и не производитъ того дѣйствія, для котораго установлены законы наказательные.

«Повелѣнія, служащія военнымъ судамъ основаніемъ опредѣлять въ приговорахъ наказанія, установленныя воинскими артикулами, безъ измѣненія ихъ, представляются слѣдующія: воинскаго устава 1716 года, главы L, пунктъ 2, указъ военной коллегіи 23-го ноября 1800 года, высочайше утвержденные доклады: генералъ-аудитора князя Салагова 18-го іюля 1802 года и комитета учрежденнаго для образованія генералъ-аудиторіата 8-го сентября 1805 года; наконецъ положеніе комитета министровъ 14-го февраля 1831 года.

«Сими постановленіями повелѣно: военнымъ судамъ въ приговорахъ ихъ опредѣлять виновнымъ наказанія по всей строгости военныхъ законовъ.

«Совершенно справедливо, что военно-уголовные законы имѣютъ основаніемъ воинскій уставъ Петра Великаго, почему военно-судныя коммиссіи и постановляли сентенціи свои на точныхъ словахъ воинскихъ артикуловъ, не смѣя соображаться съ измѣненіями, послѣдовавшими въ уголовномъ законодательствѣ. Напротивъ того, высшія военно-судныя инстанціи, смягчая приговоры низшихъ военныхъ судовъ и дѣйствуя въ семъ случаѣ сообразно послѣднимъ постановленіямъ, не считали нужнымъ требовать по этому предмету какихъ-либо особыхъ разрѣшеній. Такимъ образомъ, употребленіе въ приговорахъ военныхъ судовъ наказаній, установленныхъ воинскими артикулами и не уничтоженныхъ прямо закономъ, вошло въ обычай, болѣе и болѣе впослѣдствіи укоренившійся.

«Здѣсь надлежитъ обратиться къ эпохѣ, въ которую Петръ I-й писалъ Воинскій уставъ. Въ то время уголовное законодательство всей Европы наполнено было кровавыми ужасами; невѣжество, буйство и строптивость волновали умы русскаго народа, нестройныя толпы стрѣльцовъ едва только были замѣнены регулярнымъ войскомъ, еще не укоренившимся и не привыкшимъ къ правильной военной дисциплинѣ. При такихъ обстоятельствахъ мудрый законодатель Россіи, сообразуясь и съ главнѣйшими законами чужеземцевъ и съ духомъ своего народа, не могъ не допустить жестокихъ наказаній.

«Но съ теченіемъ времени и распространеніемъ просвѣщенія, смягчались нравы, улучшались обычаи и возвышалась нравственность какъ въ народѣ, такъ и въ войскахъ. Соотвѣтственно сему направленію осла-

бѣвали и мало-по-малу измѣнились, какъ выше показано, жестокія и ужасныя наказанія. Тогда общее уголовное законодательство и судопроизводство приняли другой болѣе кроткій видъ; и уголовные суды гражданскаго вѣдомства стали осуждать виновныхъ по законамъ дѣйствующимъ. Между тѣмъ, военные суды продолжаютъ держаться законовъ измѣнившихся, продолжаютъ угрожать казнями, которыя на дѣлѣ не исполняются, несмотря на то, что еще въ 1782 году повелѣно было [1]), чтобы военные суды при сужденіи военнослужащихъ, поступали сообразно судебнымъ мѣстамъ гражданскаго вѣдомства.

«Въ основныхъ государственныхъ законахъ [2]) сказано: «законъ сохраняетъ свое дѣйствіе, доколѣ не будетъ измѣненъ силою новаго закона». Слѣдственно наказанія, опредѣленныя воинскими артикулами и смягченныя сообразно духу времени и общему уголовному законодательству, по мѣрѣ смягченія самыхъ нравовъ и обычаевъ, или отмѣненныя послѣдующими узаконеніями, не должны имѣть мѣста въ приговорахъ военныхъ судовъ, учреждаемыхъ въ XIX столѣтіи надъ воинами россійской арміи, которой строгая нравственность еще недавно изумляла и Европу, и Азію.

«Двѣ разныя системы наказаній, одна въ военно-судныхъ коммиссіяхъ, другая въ высшихъ ревизіонныхъ инстанціяхъ, въ самомъ Сводѣ приняты не по собственному убѣжденію редакціи въ правильности или необходимости таковаго раздѣленія, но единственно по тому уваженію, что редакція не считала себя въ правѣ измѣнять что-либо въ буквальномъ смыслѣ законовъ безъ положительной высочайшей на сіе воли. Въ историческомъ введеніи къ Своду (стр. 59) сказано:

«Здѣсь не мѣсто разсуждать, сколь въ общихъ понятіяхъ объ уголовномъ правосудіи таковая двоякость суда и наказанія можетъ быть не сообразна, когда за одно и то же преступленіе судья въ одномъ мѣстѣ именемъ закона грозитъ смертною казнію, а въ другомъ—также судья и также именемъ закона—опредѣляетъ вмѣсто того легкое наказаніе. Уничтожить сіе противорѣчіе, согласить военно-уголовные законы съ общими понятіями правосудія есть во власти законодателя. Сводъ долженъ слѣдовать тому, что есть, и не можетъ дѣлать въ существѣ закона никакихъ исправленій». Въ другомъ мѣстѣ того же введенія (стр. 62) сказано: «Естьли бы признано было удобнымъ, слѣдуя общимъ началамъ правосудія, постановить не два, а одинъ законъ и для низшихъ и для высшихъ судовъ, тогда надлежало бы только въ семъ второмъ отдѣлѣ книги первой исключить изъ Свода весь раздѣлъ первый, и вмѣсто того сдѣлать общимъ раздѣлъ второй для всѣхъ судовъ, и низшихъ и высшихъ».

[1]) Именной высочайшій указъ 1-го января 1782 года.

[2]) Свода Законовъ, т. I, стр. 72.

«Принимая въ уваженіе, что наказанія, воинскими артикулами установленныя, совершенно измѣнены постановленіями, послѣ сихъ артикуловъ изданными, предсѣдатель комитета полагаетъ:

«Во-первыхъ, судопроизводство низшихъ военныхъ судовъ не отдѣлять въ Сводѣ отъ судопроизводства высшихъ; но раздѣлъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ составить общій, какъ первоначально предполагала и редакція Свода.

«Во-вторыхъ, въ раздѣлѣ семъ опредѣлить преступленія военнослужащихъ и наказанія, коимъ они за сіи преступленія по окончательнымъ рѣшеніямъ подвергаются.

«Въ-третьихъ, въ опредѣленіи преступленій и подраздѣленіи оныхъ слѣдовать воинскимъ артикуламъ, а въ тѣхъ случаяхъ, коихъ не находится въ артикулахъ, держаться постановленій впослѣдствіи по военно-судной части изданныхъ. Если же нѣтъ такового опредѣленія въ сихъ послѣднихъ постановленіяхъ, то слѣдовать гражданскому Своду, принявшему силу закона и опредѣляющему преступленія общія какъ гражданину, такъ и воину.

«Въ-четвертыхъ, въ назначеніи наказаній соображаться со всѣми послѣдующими постановленіями, измѣнившими наказанія, артикулами установленныя.

«Обращаясь ко второму вопросу: издавать ли нынѣ Сводъ военно-уголовныхъ законовъ вмѣстѣ съ общимъ Сводомъ Военныхъ Постановленій, или же принять оный матеріаломъ для составленія новаго военно-уголовнаго уложенія, предсѣдатель комитета совершенно убѣжденъ, что военно-уголовные законы наши требуютъ коренного измѣненія даже въ главныхъ началахъ; но имѣя въ виду, что Сводъ Военныхъ Постановленій безъ военно-уголовнаго устава, составляющаго одну изъ главнѣйшихъ его частей, не будетъ полонъ; что военно-судная часть, по существу ея занятій, болѣе всѣхъ другихъ частей военнаго управленія чувствуетъ необходимость въ Сводѣ военно-уголовныхъ законовъ, и что изданіе новаго военно-суднаго уложенія, по важности и обширности этой работы, не можетъ быть скоро окончено,—полагаетъ необходимымъ Сводъ военно-уголовныхъ законовъ издать вмѣстѣ со Сводомъ Военныхъ Постановленій, но издать тогда, когда утвердится предположеніе о составленіи одного общаго раздѣла о преступленіяхъ и наказаніяхъ, и объ измѣненіи наказаній воинскими артикулами установленныхъ, сообразно постановленіямъ, послѣ артикуловъ изданнымъ.

«Что касается до того, можетъ ли Сводъ военно-уголовныхъ законовъ служить матеріаломъ для составленія новаго военно-уголовнаго уложенія, то вопросъ сей разрѣшается самъ собою.

«Нельзя приступать къ составленію новаго уложенія, не имѣя свѣдѣнія о существовавшихъ законахъ, и въ семъ отношеніи не только

тотъ Сводъ, который будетъ изданъ, долженъ служить въ семъ случаѣ матеріаломъ, но даже и вся та работа по военно-судной части, которая была предпринята редакціею Свода Военныхъ Постановленій.

«Предсѣдатель комитета имѣетъ честь представить сіи предположенія на благоразсмотрѣніе вашего сіятельства, съ тѣмъ, что если они будутъ удостоены одобренія, то не благоугодно ли испросить высочайшее повелѣніе на передѣлку IV-й части Свода Военныхъ Постановленій сообразно съ вышеизложенными началами, которыя дѣйствительный тайный совѣтникъ Сперанскій призналъ правильными».

Представляя Чернышеву мое мнѣніе, я встрѣтилъ тѣ же затрудненія. Едва при содѣйствіи пріятелей моихъ Позена и Брискорна уломали его передать мое мнѣніе графу Сперанскому. Чернышевъ сказалъ мнѣ однако:

— Не пеняйте на меня, если государю не понравиться, что вы пишете противъ его убѣжденія.

Графъ Сперанскій сдержалъ слово: онъ убѣдилъ Чернышева въ справедливости моего мнѣнія. Три раза государь самъ изволилъ читать его, хотя оно было довольно обширно: въ первый разъ съ графомъ Сперанскимъ, во второй — съ Чернышевымъ, въ третій — съ обоими вмѣстѣ, какъ бы составя тріумвиратъ. Наконецъ, государь согласился на предложенныя мною измѣненія, сказавъ при этомъ:

— Такъ непрочны творенія людей даже геніальныхъ!

Наконецъ, Сводъ военныхъ постановленій былъ поднесенъ государю императору. Его величество такъ былъ доволенъ окончаніемъ этого важнаго труда, что приказалъ Чернышеву объявить мнѣ его волю, чтобы я представилъ моихъ сотрудниковъ къ награжденію, не держась никакихъ правилъ о наградахъ; а мнѣ пожаловалъ аренду въ 1.500 руб. сер. на 12 лѣтъ. Графъ Сперанскій получилъ только милостивый рескриптъ; вѣроятно, государь зналъ, что трудовъ его при передѣлкѣ этого Свода почти совсѣмъ не было.

Когда предсталъ я государю императору для принесенія благодарности за эту милость, въ пріемной залѣ было болѣе семидесяти особъ. По обыкновенію насъ поставили въ линію по старшинству; мнѣ досталось пятнадцатое мѣсто. Вошелъ государь. Оберъ-церемоніймейстеръ графъ Литта по порядку провозглашалъ прозванія представлявшихся, его величество кланялся каждому и проходилъ далѣе. Дошла очередь до меня. Графъ Литта собирался провозгласить и мою фамилію, но государь быстро произнесъ: «знаю!» Потомъ онъ обратилъ на меня свой орлиный взоръ; казалось искры, какъ электрическій токъ, сыпались изъ его глазъ; я чувствовалъ невольное волненіе.

— Благодарю тебя,—произнесъ онъ, и глаза всѣхъ присутствовавшихъ устремились на меня,—очень благодарю за твою работу по воен-

ному Своду; ты вполнѣ оправдалъ мой выборъ. Всѣ представленія твои я утвердилъ, хотя ты и назначалъ щедрою рукою.

Отъ такихъ милостивыхъ словъ я смутился, хотѣлъ высказать чувства благодарности, но ни слова не сказалъ, а слезы покатились по моему лицу. Еще и теперь съ восторгомъ воспоминаю объ этомъ сладостномъ мгновеніи. По окончаніи представленія всѣ знакомые и незнакомые, тамъ бывшіе, приступили ко мнѣ съ поздравленіями и привѣтствіями. Какое торжество! Слова, сказанныя мнѣ государемъ, быстро разнеслись по С.-Петербургу. Лишь только я возвратился домой, жена моя встрѣтила меня со слезами на глазахъ отъ умиленія; она уже знала съ какимъ благоволеніемъ говорилъ мнѣ государь; появились и поздравители, но скоро все прошло какъ сладкій сонъ.

Среди утомительныхъ работъ по Своду Военныхъ Постановленій на меня возложено было исправленіе должности государственнаго секретаря, не слагая обязанности моей и по военному департаменту. Признаюсь, тяжко было для меня это назначеніе тѣмъ болѣе, что кромѣ труда оно вводило меня въ столкновеніе съ министрами, которыя, по принятому обычаю, всякое возраженіе Совѣта на ихъ представленія относятъ къ государственному секретарю и сѣтуютъ на него. Мнѣ необходима была подпора свыше; я обратился къ шефу жандармовъ, графу Алексѣю Ѳедоровичу Орлову, пользовавшемуся благоволеніемъ и довѣренностью государя. Онъ обѣщалъ меня поддерживать; но благодареніе Богу, въ теченіе восьми-мѣсячнаго исправленія моего должности государственнаго секретаря не встрѣтилось въ томъ надобности. Въ случаѣ необходимаго возраженія на представленіе какого-либо министра, я объяснялся съ нимъ предварительно, не пуская дѣла въ докладъ и такимъ образомъ дѣло улаживалось и все шло гладко.

Графъ Николай Николаевичъ Новосильцевъ, бывшій тогда предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, явно оказывалъ мнѣ свое благорасположеніе; это придавало много вѣсу въ глазахъ членовъ, которые вполнѣ уважали его. Графъ Новосильцевъ еще въ молодости своей, при началѣ царствованія императора Александра, игралъ важную роль: онъ былъ другомъ царя; онъ мечталъ съ нимъ о преобразованіяхъ въ управленіи Россіи. Графъ Новосильцевъ былъ вельможа просвѣщенный, умный, опытный, добрый, но безпечный и лѣнивый, по крайней мѣрѣ, въ старости, когда я съ нимъ работалъ.

Я весьма обрадовался возвращенію изъ-за границы государственнаго секретаря, барона М. А. Корфа, и снятію тяготившаго меня ярма. За исправленіе этой должности мнѣ объявлено высочайшее благоволеніе и пожалована золотая табакерка, украшенная брильянтами. Впрочемъ, я былъ представленъ къ производству въ слѣдующій чинъ тайнаго совѣтника, но нашлись недоброжелатели—интриганы, которые вос-

препятствовали этому, доведя до свѣдѣнія государя, что едва прошло полгода, какъ я получилъ награду по представленію А. И. Чернышева за труды по военному министерству. По крайней мѣрѣ, государь возвысилъ цѣну своего дара привѣтливымъ, милостивымъ словомъ, торжественно и публично, когда я представлялся его величеству съ принесеніемъ благодарности за награду.

— Теперь ты отдохнешь,—прибавилъ государь,—у тебя въ департаментѣ мало дѣла.

— Точно такъ ваше величество,—отвѣчалъ я,—но дѣла особенной важности, требующія большаго вниманія.

— Твоя правда! Но ты сладишь, ты такъ много работалъ по военной части; иногда въ Государственномъ Совѣтѣ достанется тебѣ разсматривать и свою работу.

Государь изволилъ намекнуть на то, что сверхъ занятій по званію статсъ-секретаря по Государственному Совѣту я состоялъ и при военномъ министрѣ.

Въ военный департаментъ входило въ это время мало дѣлъ отъ того, что князь Чернышевъ, укрѣпляясь въ благорасположеніи и довѣріи государя, поставилъ свой военный совѣтъ на такой высотѣ, что рѣшенія его вносились министромъ непосредственно на высочайшее утвержденіе. Начальникъ главнаго морского штаба его величества, князь Меншиковъ, соревнуя Чернышеву, поставилъ на такомъ же основаніи адмиралтействъ совѣтъ. Такимъ образомъ въ военный департаментъ Государственнаго Совѣта вносились только такія дѣла, которыя были въ соприкосновеніи съ гражданскою частью, или такія предположенія, которыя государь, не удостоивъ утвержденія, повелѣвалъ разсматривать въ Государственномъ Совѣтѣ. Это бывало только въ особенно важныхъ случаяхъ; слѣдовательно, государь справедливо сказалъ, что у меня въ департаментѣ мало дѣла, но я не солгалъ, что дѣла, требующія большаго вниманія.

Съ этого времени дѣйствительно я такъ мало былъ занятъ по службѣ, что началъ скучать отъ бездѣйствія. Такъ прошелъ годъ. Между тѣмъ, государственный секретарь баронъ М. А. Корфъ хлопоталъ попасть въ члены Государственнаго Совѣта. Это очень меня тревожило: я боялся, чтобы опять не навалили на меня его должность, которая была мнѣ не по нраву. Я уже сказалъ, что эта должность весьма интрижная, требующая уклончивости, ловкости и связей придворныхъ и аристократическихъ; мои всѣ связи состояли во мнѣ самомъ: въ посильныхъ моихъ способностяхъ, неутомимомъ трудѣ и прямотѣ характера. Меня пугало также событіе графа М. М. Сперанскаго, столь безжалостно сброшеннаго съ креселъ государственнаго секретаря. Когда поступили такъ съ геніальнымъ, просвѣщеннымъ дѣятелемъ, ко-

тораго уму обязаны учрежденія Государственнаго Совѣта и министерствъ и проч., то чего же мнѣ ожидать, — я едва замѣтный чиновникъ въ обширной области государственнаго управленія. Въ часы откровенія графъ Сперанскій говорилъ мнѣ, что если бы онъ женился на какой-нибудь княжнѣ Голицыной или Строгановой, какъ ему неоднократно говорили, а не по влеченію сердца на безъизвѣстной дѣвушкѣ, то, конечно, не подвергся бы гоненію и былъ бы поддержанъ какъ родичъ аристократіи. Я также былъ женатъ по влеченію сердца на благородной, но не знатной дѣвушкѣ; эта аналогія съ великимъ человѣкомъ, красою Россіи по уму и нравственности, еще болѣе волновала мою душу.

Я сталъ добиваться перемѣны службы. Меня представляли опять къ производству въ тайные совѣтники съ назначеніемъ въ сенаторы. Здѣсь встрѣтилось противодѣйствіе: министръ юстиціи графъ Викторъ Никитичъ Панинъ не соглашался назначить меня сенаторомъ, предоставляя сдѣлать это впослѣдствіи по его усмотрѣнію. Графъ хотѣлъ, чтобы этимъ званіемъ я былъ обязанъ его посредству. Такимъ образомъ 17-го апрѣля 1840 года я пожалованъ въ тайные совѣтники съ назначеніемъ членомъ консультаціи, а 30-го декабря того же года и сенаторомъ. Честолюбіе графа Панина удовлетворено, и онъ и я довольны.

Когда я представился государю императору съ принесеніемъ благодарности за это назначеніе, его величество изволилъ сказать мнѣ: «Поздравляю! Служи попрежнему!» Эти многозначительныя слова глубоко запали въ мою душу: ревностно и тщательно разсматривалъ я сенатскія записки, взвѣшивалъ доказательства обѣихъ сторонъ и ножемъ анализа разсѣкалъ ябеду. Графъ Панинъ представлялъ назначить меня къ присутствію въ 1-й департаментъ, но государь возразилъ: «Нѣтъ! пусть сидитъ въ польскомъ департаментѣ: онъ хорошо знаетъ польскія дѣла!» Графу Панину хотѣлось знать причину такого отказа его величества. Я объяснилъ, что слишкомъ за годъ до назначенія меня въ сенаторы, бывши еще въ Государственномъ Совѣтѣ, я объѣзжалъ губерніи, присоединенныя отъ Польши и представилъ государю записку о положеніи тамошнихъ крестьянъ. Записка эта по высочайшей волѣ внесена въ комитетъ западныхъ губерній. Вотъ вся и разгадка, доказывающая и память государя и вниманіе, съ какимъ читаетъ онъ то, что до него доходитъ.

Едва не забылъ разсказать о встрѣчѣ моей съ замѣчательнымъ монахомъ. По окончаніи Свода Военныхъ Постановленій я отправился на поклоненіе новгородскимъ угодникамъ. Быть въ Новгородѣ и не видать Фотія, архимандрита Юрьевскаго монастыря, – то-же, что быть въ Римѣ и не видать папы.

Фотій, еще въ бытность его законоучителемъ въ 1-мъ кадетскомъ

корпусѣ, обратилъ на себя вниманіе своимъ фанатизмомъ, рѣзкою рѣчью, набожностію и строгою неукоризненною жизнью. Онъ былъ избранъ орудіемъ свергнуть князя Александра Николаевича Голицына, бывшаго тогда министромъ просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, и ненравящагося старому, высшему духовенству за покровительство мистикамъ и распространителямъ ученія западной церкви.

Вооруженный толстою тетрадью выписокъ изъ книгъ мистическаго и духовнаго содержанія, напечатанныхъ въ то время, Фотій введенъ былъ въ кабинетъ покойнаго императора. Государь столь благосклонный, столь привѣтливый, противъ обыкновенія своего, встрѣтилъ Фотія сурово.

— Ты доносишь на лучшаго моего друга и подвергнешься тяжкой отвѣтственности, если окажется ложь,—сказалъ государь.

— Сердце царево въ рукѣ Божіей; да отверзетъ Богъ очи твои. Прочти и уразумѣй!—хладнокровно отвѣчалъ монахъ и подалъ государю толстую свою тетрадь.

Слѣдствіемъ этой бесѣды, о которой читалъ я въ любопытныхъ, собственноручныхъ запискахъ Фотія, было удаленіе князя Голицына изъ министерства народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, которое послѣ того распалось на два управленія.

Торжественно совершалась обѣдня въ Юрьевскомъ монастырѣ, священнодѣйствовалъ самъ Фотій со всѣмъ своимъ духовенствомъ: великолѣпіе храма и облаченія очаровываютъ зрѣніе; благозвучное монастырское пѣніе услаждаетъ слухъ, а порядокъ, смиреніе и благочиніе при служеніи невольно возбуждаютъ къ благоговѣнію. Богатствомъ ризницы и другихъ украшеній обязанъ монастырь стараніямъ, особенно весьма щедрымъ пожертвованіемъ графини Анны Алексѣевны Орловой, единственной дочери героя Чесменскаго. Она такъ предана была Фотію, что помѣстилась подлѣ Юрьева монастыря.

По окончаніи обѣдни Фотій пригласилъ меня на чай. Скоро пролетѣли болѣе полутора часа въ моей съ нимъ бесѣдѣ: этотъ замѣчательный монахъ зналъ все, что творится сокровенно при дворѣ и большомъ свѣтѣ. При прощаніи онъ приказалъ подать крестики; выбравъ два золотыхъ и три серебряныхъ, подалъ мнѣ.

— Вотъ твоимъ малолѣткамъ сказалъ онъ,—золотые дочерямъ, а серебряные сыновьямъ.

Не мало я удивился, что Фотій, видя меня въ первый разъ, ни съ кѣмъ незнакомаго въ Новгородѣ, такъ опредѣлительно зналъ о моихъ дѣтяхъ. Потомъ онъ благословилъ меня образомъ съ ликами четырехъ явленій Богородицы.

— У тебя много враговъ,—сказалъ онъ,—молись усердно Присносущей—Она защититъ тебя своимъ заступничествомъ.

Я обѣщалъ еще пріѣхать въ Новгородъ и видѣться съ нимъ; но онъ возразилъ:

— Ты будешь и не одинъ разъ; но меня не увидишь.

Сбылось предвидѣніе: черезъ годъ душа его перенеслась въ горнія ad patres.

Такъ, на пути моей жизни я встрѣтился съ тремя монахами, имѣвшими вліяніе на мою судьбу: первый въ дѣтствѣ возбудилъ меня къ прилежному ученію; второй въ юности моей остановилъ меня на краю проруби, такъ сказать отвратилъ смерть; третій въ зрѣлыхъ лѣтахъ предупреждалъ о врагахъ, увѣщевалъ молиться. Признаюсь, считая окружающихъ меня друзьями, и видя, что все идетъ благополучно, все мнѣ улыбается, равнодушно выслушалъ я предвареніе и жестоко наказанъ за невѣріе....

VIII.

Интрига противъ графа Татищева.—Увольненіе его отъ званія военнаго министра.—Неожиданное увольненіе А. Д. Боровкова отъ службы.—Преданіе суду и оправданіе.—Вниманіе къ нему императора Николая I.—Заключеніе.

Жизнь прожить, не поле перейти, говоритъ пословица. На свѣтѣ добро и зло перемѣшано: это, по ученію Лейбница, составляетъ совершенство вселенной, основанной на предустановленной гармоніи. Такъ, послѣ моего благополучнаго періода жизни, въ которомъ все мнѣ благопріятствовало, наступилъ періодъ несчастій. Зародышъ его таился съ 1827 года, когда составился сильный комплотъ столкнуть графа Татищева съ креселъ министерскихъ, на которыя хотѣлось сѣсть князю Чернышеву, бывшему въ то время генералъ-лейтенантомъ безъ сіятельныхъ титуловъ.

Къ достиженію этой цѣли князю Чернышеву содѣйствовалъ начальникъ главнаго штаба его величества Дибичъ. Оставалось найти благовидный предлогъ; но для сановника, занимавшаго важныя должности, за этимъ дѣло не станетъ. Въ августѣ 1826 года, во время пребыванія двора въ Москвѣ на коронаціи, поданъ государю доносъ, что графъ Татищевъ, въ бытность его генералъ-кригскомисаромъ, допустилъ по комисаріату безпорядки и злоупотребленія. Слѣдствіе поручено было генералъ-адъютанту Храповицкому, человѣку пустому и дерзкому, дѣйствовавшему по волѣ и направленію князя Чернышева. Храповицкій объ изысканіяхъ своихъ доносилъ непосредственно государю, который, не оскудѣвъ еще благоволеніемъ къ графу Татищеву,

присылалъ на его заключеніе эти донесенія. Великодушно защищалъ графъ Татищевъ своихъ подчиненныхъ; благородно возражалъ на замѣчанія о личныхъ его распоряженіяхъ. Почти годъ продолжалась эта полемика; наконецъ до того наскучила старику, а еще болѣе мнѣ, писавшему его объясненія, что однажды, подчеркнувъ въ донесеніи Храповицкаго нѣсколько нелѣпыхъ фразъ, я представилъ графу Татищеву проектъ объясненія въ слѣдующихъ словахъ: «Совѣстно мнѣ утруждать вниманіе вашего величества возраженіями на пустословіе или не знающаго сущности дѣла, или умышленно затмевающаго правду: подчеркнутыя строки подтвердятъ истину, которую дерзнулъ я выразить моему всемилостивѣйшему государю».

Признаюсь, я думалъ, что графъ не пропуститъ такого рѣзкаго отвѣта; напротивъ, онъ, внимательно прочитавъ подчеркнутыя строки, съ улыбкою сказалъ:

— Славно! На глупость и возражать глупо! Пусть разбираютъ сами! Спасибо, милый мой, потѣшилъ старика! Посылай съ Богомъ!

Чрезъ три дня Храповицкій, бывшій въ короткихъ отношеніяхъ съ пріятелемъ моимъ А. И. Абакумовымъ, пересказалъ, что государь сильно намылилъ ему голову.

— Вѣкъ не забуду,— промолвилъ Храповицкій,—такой услуги Боровкова; не умру, пока не отплачу.

Онъ сдержалъ слово: почти чрезъ двадцать лѣтъ послѣ нанесъ мнѣ жестокій ударъ и—вскорѣ умеръ.

Возвращаюсь къ разсказу о графѣ Татищевѣ. Въ сентябрѣ 1827 г., кончивъ въ первомъ часу пополудни докладъ министру, занимавшему тогда дачу свою на Каменномъ острову, я отправился къ себѣ на дачу, которую нанималъ по Парголовской дорогѣ близъ Поклонной горы. Часа черезъ два прискакалъ ко мнѣ отъ графа фельдъегерь съ приказаніемъ явиться какъ можно скорѣе. Нерѣдко были подобные призывы; но на этотъ разъ сердце предвѣщало мнѣ что-то недоброе.

— Не получено ли чего отъ государя послѣ моего отъѣзда?—спросилъ я фельдъегеря.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ.

— Кто послѣ меня былъ у графа?

— Никого; онъ изволилъ гулять въ саду и послалъ меня за вами.

Нечего долго думать: я зналъ нетерпѣливый характеръ графа Татищева, сѣлъ въ фельдъегерскую таратайку и поскакалъ. Я нашелъ графа въ саду; замѣтно думы бороздили его чело. Онъ, поблагодаривъ меня за скорый пріѣздъ, позвалъ въ кабинетъ.

— Милый мой,—сказалъ онъ.—Окажи послѣднюю услугу, напиши письмо къ государю, чтобы уволилъ меня отъ званія военнаго министра.

*

Я изумился, посмотрѣлъ на него внимательно, не шутитъ ли онъ, и отвѣчалъ:

— Ваше сіятельство позволяли мнѣ всегда говорить откровенно. Мнѣ кажется, не время оставить министерскій постъ: это даетъ удобный случай торжествовать вашимъ врагамъ. Пока вы министръ, у васъ подъ рукою всѣ средства, всѣ орудія отражать ихъ натиски.

Графъ нахмурился.

— Долго я размышлялъ объ этомъ,—отвѣчалъ онъ;—но у меня не стаетъ силъ—я старъ, пусть молодые пройдохи возятся съ министерствомъ. Въ защиту свою и моихъ подчиненныхъ я представилъ все, что могъ; да будетъ воля Божія и государя.

Я сталъ было еще возражать, но графъ рѣзко прервалъ:

— Кончено! Вотъ перо и бумага, пиши!

Съ сокрушеннымъ сердцемъ набросалъ я весьма краткое прошеніе, которое тутъ же отправлено къ государю, а мы пошли въ гостиную. Тамъ уже были почти всегдашніе посѣтители графа Татищева: Паскевичъ, впослѣдствіи фельдмаршалъ, Депрерадовичъ, командиръ кавалерійскаго гвардейскаго корпуса, Балашевъ, министръ полиціи при покойномъ императорѣ, и другіе. У графа Татищева званые обѣды бывали весьма рѣдко, но всякій день, такъ сказать, за-просто, собиралось особъ двѣнадцать, иногда и до двадцати. За обѣдомъ онъ мнѣ показался веселѣе обыкновеннаго, какъ сложившій съ себя тяжкую обузу.

На другой день пріѣхалъ къ графу Татищеву графъ Дибичъ; болѣе часа продолжалось ихъ совѣщаніе. Дибичъ убѣждалъ его именемъ государя не оставлять министерства, старикъ упрямствовалъ и настоялъ на своемъ. Недѣли черезъ двѣ онъ былъ уволенъ при милостивомъ рескриптѣ, съ оставленіемъ членомъ Государственнаго Совѣта и полнымъ содержаніемъ. Такъ достигъ комплотъ своей цѣли; управленіе военнымъ министерствомъ поручено графу Чернышеву, который пошелъ быстрыми шагами къ возвышенію.

Разскажу о моемъ паденіи.

Съ порядочнымъ моимъ содержаніемъ отъ казны и съ полученнымъ въ приданое капиталомъ жены моей я не былъ богатъ; но имѣлъ возможность жить прилично моему положенію, не думая о завтрашнемъ днѣ. Богатъ тотъ, кто умѣетъ ограничивать прихоти. Жена моя прекрасно и расчетливо вела домашнее хозяйство, а я весь преданъ былъ государственной службѣ. Такъ прошло десять лѣтъ безмятежно, тихо; но въ 1828 году Богъ даровалъ мнѣ дочь, черезъ полтора года сына, потомъ опять дочь, и помышленіе устроить для нихъ посильное состояніе зародилось въ головѣ моей. Я пустилъ въ оборотъ капиталъ жены, личный мой кредитъ и репутацію дѣльнаго человѣка. Съ этими орудіями я дѣйствовалъ въ разныхъ предпріятіяхъ и компаніяхъ, удачи перемѣнялись

съ неудачами; но въ результатѣ вышло, что чрезъ десять лѣтъ дѣятельности, я уже считалъ себя человѣкомъ безбѣднымъ, особенно съ присовокупленіемъ казеннаго содержанія, котораго я получалъ тогда болѣе 22,000 р. ассигн. Цифра порядочная!

Въ 1838 году составлялась компанія для храненія и залога громоздкихъ движимостей; меня пригласили подписаться въ числѣ учредителей. Видя благонамѣренную цѣль компаніи—вырвать бѣдняковъ изъ зависимости алчныхъ ростовщиковъ, я охотно подписался. Государственный Совѣтъ призналъ это учрежденіе также благонамѣреннымъ; уставъ удостоенъ высочайшаго утвержденія. Дѣйствія компаніи открыты въ 1840 году; я избранъ директоромъ и оставался въ этомъ званіи три года. Въ концѣ 1845 года, при смѣнѣ директора дѣйст. стат. сов. Оводова, оказался недостатокъ въ капиталѣ компаніи; началось изслѣдованіе, а 3-го декабря 1846 года губерн. секр. Кретковскій, подговоренный Оводовымъ, распорядителемъ кассы и виновникомъ растраты, подалъ доносъ С.-Петербурскому генералъ-губернатору Храповицкому, что въ ней участвовали всѣ директоры и въ главѣ поставленъ Боровковъ, какъ старшій по чину.

Храповицкій обрадовался случаю отмстить мнѣ за тотъ нагоняй, который за двадцать лѣтъ прежде сдѣлалъ ему государь, по прочтеніи отзыва гр. Татищева. Онъ въ тотъ же день доложилъ его величеству, выставя меня главнымъ виновникомъ, а 4-го декабря переслалъ доносъ къ министру юстиціи гр. Панину. Этотъ также не благоволилъ ко мнѣ, потому что я по званію сенатора не всегда соглашался съ его предложеніями, противными рѣшенію Сената и неоснованными на законѣ. Гр. Панинъ тотчасъ испросилъ у государя особенный личный докладъ, какъ бы по важному государственному дѣлу, нетерпящему отлагательства, и 5-го декабря подписанъ именной высочайшій указъ уволить сенатора Боровкова отъ службы.

Слѣдствіемъ и судомъ оправданъ; между тѣмъ невинно страдаю седьмой годъ, не вижу и конца этому дѣлу, которое третій годъ покоится въ Сенатѣ. Формы нашего судопроизводства такъ сложны, что посредствомъ ихъ виновный можетъ отдалить свое осужденіе на вѣчность, подъ многоразличными предлогами, а прикосновенный, несмотря на свою невинность, терпи и жди общей развязки. Подумаютъ ужасныя преступленія побудили государя выкинуть изъ службы сенатора, давно извѣстнаго ему отличными заслугами.

Вотъ эти преступленія, обнаруженныя слѣдствіемъ и судомъ, продолжавшимися болѣе четырехъ лѣтъ и представленныя на разсмотрѣніе Сената.

1) Боровковъ не внесъ въ правленіе компаніи 25 акцій, которыя по званію директора онъ долженъ былъ туда представить. Слѣдствіемъ

открыто, что Боровковъ былъ директоромъ совѣщательнымъ; ничѣмъ тамъ не распоряжалъ, содержанія отъ компаніи не получалъ; слѣдовательно нечего было ему и обезпечивать.

2) Въ подписанной имъ повѣсткѣ къ вновь избраннымъ директорамъ не упомянуто, что на нихъ возлагается обревизованіе дѣлъ компаніи. Слѣдствіе показало, что повѣстка изложена по заведенной формѣ просто объ избраніи; о ревизіи же извѣстно имъ было, потому что они лично находились въ томъ собраніи, когда было объ этомъ сужденіе, и сами подписали журналъ.

3) Онъ занялъ въ компаніи три тысячи рублей подъ залогъ мебели, которой не было представлено. По дѣлу выяснилось, что Боровковъ не былъ уже директоромъ, занявъ въ компаніи деньги какъ простой заемщикъ, далъ въ томъ росписку и уѣхалъ изъ С.-Петербурга, поручивъ своему управляющему представить мебель въ компанію. По возвращеніи въ С.-Петербургъ онъ нашелъ ее на своемъ мѣстѣ, расплатился съ компаніею и считалъ дѣло конченнымъ. При слѣдствіи управляющій Боровкова отозвался, что онъ не перевозилъ мебель, потому что ее не требовали. Въ существѣ, если бы предстояла тутъ надобность винить, въ случаѣ неуплаты занятой суммы, то конечно не Боровкова, какъ простого заемщика, а того директора, который выдалъ ссуду безъ обезпеченія. Очевидно здѣсь выигрышъ на сторонѣ компаніи: во-1-хъ, потому что она располагала по своему произволу помѣщеніемъ, которое заняла бы мебель Боровкова; во-2-хъ, она не подвергалась страху отвѣтствовать за поврежденіе мебели, не бывшей въ ея храненіи.

4) Боровковъ просилъ у Оводова заимообразно 600 руб., которыхъ не дано. Тутъ и сонмъ великихъ юрисконсультовъ сталъ бы втупикъ, чтобы найти вину; но палата уголовная причла это къ отступленію Боровкова отъ устава компаніи. Избави Боже насъ отъ этакихъ судей! воскликну я съ нашимъ великимъ баснописцемъ Крыловымъ.

Оправданный слѣдствіемъ, я просилъ государя о возвращеніи меня на службу, напомнивъ о моихъ заслугахъ. Въ негодованіи, волновавшемъ мою душу, я выразился между прочимъ: «одною работою моею по Своду Военныхъ Постановленій я вставилъ блистательный алмазъ въ корону вашего величества, а министръ юстиціи опромечиво поднесшій проектъ указа выкинуть сенатора изъ службы безъ справокъ, безъ истребованія отъ него объясненія, какъ бы слѣдовало по закону, запятналъ свѣтлыя страницы исторіи достославнаго царствованія. Несправедливости, притѣсненія и козни министровъ, глубоко насаждая корень неудовольствій и ропота, обращаются всегда на главу вѣнценосцевъ».

Въ то время государь былъ въ Варшавѣ. По отправленіи прошенія къ его величеству я прочелъ это прошеніе другу моему Никитину.

— Хорошо, дѣльно, да очень рѣзко, сказалъ онъ. Смотри Александръ, не посидѣть бы тебѣ въ крѣпости?.

— Что за бѣда, отвѣчалъ я; тамъ будетъ у меня готовая квартира съ отопленіемъ и столомъ; а на свободѣ, лишенный содержанія отъ казны, растроенный совершенно въ собственныхъ дѣлахъ и привязанный этимъ проклятымъ дѣломъ къ Петербургу, я крайне во всемъ нуждаюсь.

Предвѣщаніе Никитина не сбылось: государь, оставя разрѣшеніе моей просьбы до окончанія дѣла о растратѣ капитала въ компаніи, повелѣлъ между тѣмъ производить мнѣ содержаніе негласно изъ экстренныхъ суммъ, выдавъ его со времени моего увольненія. Такимъ образомъ онъ, какъ строгій блюститель закона, не поколебалъ формъ судопроизводства отдѣленіемъ меня отъ прочихъ, прикосновенныхъ къ дѣлу, а вмѣстѣ съ тѣмъ обратилъ вниманіе и на мое горестное положеніе.

Благословлялъ я и благословляю милосердіе монарха; но болѣе назначеннаго содержанія я радуюсь тому, что оно свидѣтельствуетъ объ убѣжденіи государя въ моемъ невинномъ страданіи; это бальзамъ утѣшенія, разлившій успокоеніе въ моей растерзанной душѣ.

Придетъ бѣда, отворяй ворота, говоритъ пословица. Внезапное увольненіе меня отъ службы разстроило вступленіе въ супружество моей дочери, которое было улажено съ весьма достойнымъ человѣкомъ. Потомъ я лишился моей незабвенной жены; она не устояла противъ жестокаго переворота въ моей судьбѣ. Бѣдная! Чтобы не растраивать меня своею горестію, она старалась казаться покойною, иногда и веселою; а злой червь огорченія подтачивалъ ея сердце. Миръ праху твоему, добродѣтельная жена и чадолюбивая мать! Съ твоею смертію все идетъ у меня на перекоръ, ничего не удается, все распадается. Нѣтъ существа, которое сердечно, какъ ты, мой незабвенный другъ, приняло бы участіе въ моемъ положеніи, съ которымъ искренно я могъ бы раздѣлить радость и горесть; всѣ чужды мнѣ и я всѣмъ чуждъ!

Оканчиваю мои очерки, потому что въ преклонности лѣтъ не надѣюсь возвратиться къ дѣятельности. Въ заключеніе замѣчу, что восьмой годъ ознаменовывалъ всегда замѣчательное событіе моей жизни. Такъ, я родился въ 1788 году—начало физическаго бытія; въ 1798 г. поступилъ въ Москвѣ въ главное народное училище, нынѣ гимназія—начало умственнаго образованія, т. е. жизни духа; въ 1808 г. вступилъ въ службу—начало жизни политической; въ 1818 г. женился—начало жизни семейной; въ 1828 г. Богъ даровалъ мнѣ первое дѣтище—начало возрожденія въ своемъ потомствѣ; въ 1838 г. купилъ я въ С.-Петербургѣ огром-

ный домъ, превышавшій мои средства, возбудилъ зависть и затянулся долгами—зародышъ моего паденія; въ 1848 постигла предсмертная болѣзнь моей жены и свела ее въ гробъ—начало разрушенія моихъ душевныхъ и тѣлесныхъ силъ; что будетъ со мною въ 1858 г. извѣстно единому Всевѣдущему Строителю міровъ; думаю однако, что въ тотъ годъ не пить мнѣ заздравнаго кубка.

Сообщ. **Н. А. Боровковъ.**